П —— в.

К царскому
юбилею
1855-1880

Р 54
328

Т 54
322

1855—1880

КЪ ЦАРСКОМУ ЮБИЛЕЮ

Собраніе прозаическихъ стихотворныхъ отрывковъ относящихся къ Государю Императору, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 года

Собралъ С. П—въ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГАЗ. «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
1880

Г 54/328

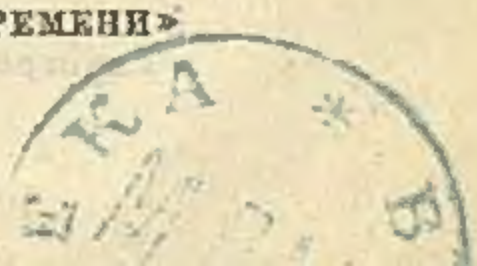
КЪ ЦАРСКОМУ ЮБИЛЕЮ

1855—1880

Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ относящихся къ Государю Императору, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 года.

Собралъ С. П—въ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
1880



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1880 г.

2007044363

Типографія А. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.

Часть этой книжки была напечатана въ газетѣ „Новое Время"; издавая этотъ сборникъ отдѣльно, мы значительно дополнили его.

КЪ ЦАРСКОМУ ЮБИЛЕЮ

(1855—1880).

Цары! Гдѣ слово просить крова—
Кровомъ царственной любви
Осѣни намъ наше слово
И звучать благослови!

Бенедиктовъ.

I.

Живыя сердечныя отношенія русскихъ людей къ Государю Императору Александру II начались у самой Его колыбели. Чтобы разсказать все извѣстное, нужны были бы цѣлыя книги (а сколько такого, что неизвѣстно!). Мы, въ своихъ предѣлахъ, ставимъ себѣ три главныя задачи: прослѣдить—участіе нашихъ писателей въ жизни и дѣлахъ Государя,—вниманіе Его къ родной литературѣ,—жизнь Его въ словѣ русскихъ поэтовъ. Но мы вовсе не беремъ на себя р ѣ ш е н і я этихъ задачъ, а только собираемъ для нихъ м а т е р і а л ы, въ хронологическомъ порядкѣ, матеріалы, доступные

намъ въ провинціи, и притомъ приводимъ ихъ словами самихъ писателей, участниковъ минувшаго. Ни исторіи, ни выводамъ теперь не время и не мѣсто. Наше изложеніе будетъ, такъ-сказать, мозаичное; все приводимое нами было уже напечатано прежде въ разныхъ изданіяхъ; намъ принадлежитъ только сводъ и размѣщеніе.

—

Едва родился Государь въ Москвѣ *), императрица Марія Ѳеодоровна приказала своему секретарю Виллямову написать Карамзину о рожденіи великаго князя. Карамзинъ благодарилъ и поздравилъ ее. Жуковскій, состоявшій тогда учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, въ своемъ посланіи къ ней, разсказываетъ, какъ онъ «безвѣстности волненіемъ стѣсненный, ждалъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ» и радовался тому, что Онъ «рожденъ въ великомъ градѣ славы, на высотѣ воскресшаго Кремля»; поэтъ выражаетъ твердую надежду, что царственный младенецъ въ жизнь войдетъ—

Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый.

И поэтъ напутствовалъ Его самыми чистыми и благими пожеланіями, которыя теперь оказались пророчествомъ:

Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!

---

*) Въ среду Свѣтлой недѣли, въ 10 часовъ утра. 17-го апрѣля 1818 г., въ домѣ принадлежавшемъ м. Платону въ Кремлѣ; домъ этотъ потомъ вошелъ въ составъ императорскаго дворца. Крещеніе Государя было 5-го мая, въ воскресенье.

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое повабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Кажется объ этомъ же днѣ вспоминаетъ Жуковскій и въ своемъ посвященіи къ «Ундинѣ», которую онъ переводилъ, по желанію императрицы Александры Ѳеодоровны:

„Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво безмолвенъ я стоялъ.
«Кто обреченъ святому новоселью
Тобой въ жильцы?“ судьбу я вопрошалъ.
И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужь милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ божій ангелъ милъ».

Замѣчательно, что въ годъ рожденія Государя мысль объ освобожденіи крестьянъ наполняла Россію и особенно Москву: рѣчь императора Александра Благословеннаго, при открытіи польскаго сейма, упоминавшая о распространеніи такъ называемыхъ свободныхъ учрежденій на всю Россію, породила въ умахъ помѣщиковъ мысль о свободѣ крестьянъ. Итакъ, мысль о свободѣ носилась надъ колыбелью Новорожденнаго Освободителя, и стихи Жуковскаго о святѣйшемъ изъ званій дѣйствительно могли быть подсказаны ему тѣмъ, что онъ слышалъ вокругъ себя въ Кремлевскомъ дворцѣ *).

Кормилицей Государя была крестьянка села Большія Мытищи Гаврилова; ее воспѣлъ Языковъ въ неизданныхъ стихахъ:

*) „Русск. Арх.“ 1869, № 10, ст. 1697—1700.

Жена, которой бѣлы руки
Играли будущимъ Царемъ *)

Напомнимъ и то счастливое совпаденіе, что колыбель Освободителя явилась тамъ же, гдѣ была колыбель преобразователя—Петра Великаго; только они изъ всѣхъ русскихъ императоровъ явились московскими уроженцами.

Прошло пять лѣтъ. Общественное вниманіе чутко слѣдило за воспитаніемъ великаго князя. Поэтъ Рылѣевъ встрѣчаетъ день Его тезоименитства (1823) вдохновенной одой, въ которой говоритъ, какъ тѣнь Екатерины II паритъ надъ Петербургомъ, кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ.

Быть можетъ, Отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ,
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы,
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель;
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;

*) „Русск. Арх.“ 1873, ст. 1533.

Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Позволительно думать, что Государь еще въ дѣтствѣ могъ сблизиться съ представителями русскаго слова и полюбить ихъ: покои императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой заботамъ Онъ былъ часто ввѣряемъ, давно уже были средоточіемъ лучшихъ писателей нашихъ; Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ, Жуковскій, А. Тургеневъ, Оленинъ часто являлись на вечернихъ собраніяхъ августѣйшей покровительницы отечественныхъ талантовъ. Какъ искренно любили царское семейство близкіе къ нему писатели, можно бы привести много примѣровъ; мы ограничимся выпиской изъ частнаго письма Д. Н. Блудова къ его женѣ о въѣздѣ императора Николая въ Москву: „цвѣтущая юностію и красотою супруга вела прелестнаго младенца, будущаго Наслѣдника великихъ правъ и обязанностей престола: можно сказать, что они украшали другъ друга тѣмъ, что были вмѣстѣ».

По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай возложилъ на Жуковскаго обязанность—руководить образователей ума и сердца Наслѣдника. Въ Жуковскомъ, сверхъ поэтическаго дарованія, былъ еще критическій умъ, которому не безъ основанія удивлялся Пушкинъ. Какъ поэтъ, какъ ученый и какъ гражданинъ, Жуковскій, по выраженію Пушкина, стоялъ съ вѣкомъ на ряду. Но главное: въ немъ была христіански-чистая, прекрасная душа, которую такъ достойно понялъ имп. Николай. Онъ же избралъ и К. И. Арсеньева: «для исторіи»—говорилъ импера-

торъ—у меня есть надежный человѣкъ, съ которымъ я служилъ въ инженерномъ училищѣ—Арсеньевъ. Онъ знаетъ дѣло, отлично говоритъ, и сыну будетъ полезенъ». Необходимость именно русскихъ наставниковъ при дворѣ уже въ то время чувствовалась и высказывалась въ русскомъ обществѣ; въ запискѣ, представленной имп. Александру I, В. Н. Каразинъ горячо говорилъ: «О, дай Богъ, чтобы когда нибудь русскіе воспитывали великихъ князей нашихъ! Желаю сего счастья милому Александру Николаевичу!» Стало быть, выборомъ Жуковскаго и Арсеньева (а впослѣдствіи и другихъ русскихъ) было удовлетворено народное патріотическое чувство. Августѣйшему питомцу исполнилось тогда 7 лѣтъ. Съ какимъ страхомъ и вниманіемъ приступилъ Жуковскій къ своему дѣлу, это видно изъ письма его къ А. П. Зонтагъ: «Моя настоящая должность беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе. Какая забота и отвѣтственность!... Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней». Не довѣряя себѣ, Жуковскій читалъ все, что могъ найдти полезнаго, совѣтовался съ извѣстнѣйшими педагогами и совершенствовалъ свой планъ воспитанія. Первые уроки каждаго предмета онъ передавалъ самъ и потомъ съ крайнимъ вниманіемъ и осторожностью избиралъ людей, которые должны были дѣйствовать подъ его главнымъ надзоромъ. Въ 1826 году, вслѣдствіе семейныхъ огорченій и усиленныхъ трудовъ, онъ было занемогъ и отправился за границу на воды; но и тамъ онъ не терялъ ни малѣйшаго досуга и усердно готовился къ наилучшему исполненію своей должности. Оттуда онъ писалъ къ императрицѣ Александрѣ Осодоровнѣ частыя письма, которыя почти всѣ полны заботъ и думъ его о Наслѣдникѣ.

Услышавъ, какъ встрѣчала своего уроженца Москва, при коронованіи имп. Николая, Жуковскій пишетъ государынѣ, что онъ боялся, какъ бы эти народныя поклоненія не дали Наслѣднику «нѣкоторыхъ незрѣлыхъ понятій о величіи, которыя могутъ вредить развитію свойствъ исключительно-человѣческихъ. самыхъ драгоцѣнныхъ... Это величіе должно казаться Ему не правомъ Его, а долгомъ, священною религіею, великими узами»... Но поэтъ утѣшается тѣмъ, что въ то же время «Наслѣдникъ видѣлъ и прочную любовь народную, которая оставила глубокій слѣдъ въ Его душѣ, по истинѣ чувствительной; не слѣдуетъ давать этому впечатлѣнію возможность изгладиться. На этой основѣ можно многое создать въ будущемъ». Выражаясь съ такою смѣлостію любви, Жуковскій конечно былъ совершенно искренъ, когда потомъ говорилъ, что онъ и за границею всецѣло принадлежитъ своему труду, что у него не осталось уже ничего личнаго, что слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству не останавливаютъ его вниманія исключительно ради его самого, но столько же ради Того, въ душѣ Котораго эти высокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Съ полнымъ безпристрастіемъ говоритъ онъ государынѣ о Мердерѣ (на котораго возложено было нравственное воспитаніе Наслѣдника) и о самомъ себѣ, что оба они не въ силахъ будутъ довершить воспитаніе Наслѣдника, примѣнительно къ Его назначенію, не въ силахъ приготовить Его къ предстоящей дѣятельности на престолѣ. Дѣло идетъ о Россіи, о ея будущности, о судьбѣ и славѣ будущаго государя. На пость руководителя Его въ этомъ отношеніи Жуковскій указывалъ графа Каподистріа и горячо рекомендовалъ его императрицѣ. Получивъ за границей присланный ему отъ протоіерея Павскаго планъ обученія Наслѣдника закону Божію, Жуковскій не па-

радуется ему и поздравляетъ государыню съ выборомъ такого человѣка, который повидимому весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на царственнаго питомца. «Для Его будущей судьбы требуется религія сердца. Ему необходимо имѣть высокое понятіе о Промыслѣ, чтобы оно могло руководить всею Его жизнію, религію просвѣщенную, благодушную, проникнутую уваженіемъ къ человѣчеству... Понятіе о верховномъ судилищѣ, объ отвѣтственности предъ Всемогущимъ Судіею, неразлучное съ уваженіемъ къ мнѣнію человѣческому, которое въ общемъ своемъ значеніи есть не что иное, какъ то же божественное судилище,—это понятіе должно всецѣло овладѣть душою будущаго государя. Оно одно можетъ возвысить Его призваніе... научить Его царствовать для блага народа, а не ради Своего могущества». И многихъ подобныхъ возвышенно-прекрасныхъ мыслей полны письма Жуковскаго. По нимъ видно, какъ поглощена была вся душа его возложеннымъ на него дѣломъ. Все время своего пребыванія за границей онъ рвался въ Петербургъ. «Я буду счастливъ лишь тогда, когда вернусь къ своей дѣятельности, которая заключаетъ въ себѣ все то, что можетъ быть мнѣ дорого въ жизни... Благодарю Провидѣніе за одно: за счастіе имѣть должность святую и за то чистое, вѣрное чувство, съ какимъ стараюсь исполнить ее».

Послѣ 16-ти мѣсячнаго пребыванія за границею, Жуковскій возвратился въ Петербургъ. Онъ почти не писалъ стиховъ ни въ 1826, ни въ 1827 г., увлекаясь своимъ прямымъ долгомъ; за то обогатилъ себя множествомъ полезныхъ и лучшихъ книгъ, гравюръ, картъ, плановъ, необходимыхъ для воспитанія. По возвращеніи своемъ, всякій день, чуть только начинались уроки, онъ являлся для присутствія при нихъ и, полный вниманія, оживленный участіемъ, за всѣмъ слѣдилъ неослабно. По

ни одна наука такъ не занимала его, какъ исторія, эта по преимуществу наука царей Между тѣмъ въ жилищѣ его, по особеннымъ планамъ, готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ. Въ увлеченіи своимъ дѣломъ, Жуковскій забылъ и поэзію и друзей. Князь П. А. Вяземскій писалъ около этого времени къ Дмитріеву: «Жуковскій для дружбы потерянъ, т. е. для друзей. Рѣшительно весь день его посвященъ ученію внутреннему или внѣшнему: онъ или учится или учитъ. Дай Богъ трудамъ его имѣть успѣхъ и дать ему Россіи, если не поэму, то героя поэмы для будущихъ поэтовъ русскихъ». Жуковскій не только приглашалъ всѣ лучшія литературныя силы для веденія дѣла образованія, но и заботился о самомъ полномъ приготовленіи ихъ. Такъ, Арсеньеву, по указу императора Николая, изъ всѣхъ министерствъ доставлялись свѣдѣнія, нужныя къ составленію статистики русской имперіи для преподаванія Наслѣднику; потомъ Арсеньевъ долженъ былъ отправиться по важнѣйшимъ губерніямъ, чтобы самому все видѣть на мѣстѣ, наконецъ—за границу, для сравненія отечественнаго съ иностраннымъ, и только послѣ всего этого заняться преподаваніемъ великому князю. Понятенъ восторгъ, съ какимъ Арсеньевъ писалъ роднымъ: «Я буду имѣть счастіе содѣйствовать образованію будущаго царя Россіи».

Не въ одной Россіи, но и за границею Жуковскій успѣлъ возбудить полное сочувствіе и къ своему дѣлу и къ питомцу. Аббатъ Николь (извѣстный педагогъ, бывшій потомъ директоромъ Ришельевскаго лицея), Дежерандо, графиня Г. Разумовская (урожденная француженка) дѣлали для него все, что возможно и сообщали ему все относящееся къ его задачѣ. Графиня Разумовская, незадолго до кончины своей, писала ему, между прочимъ: «Не могу безъ глубокаго чувства подумать о

тѣхъ заботахъ, которыя скоро наполнятъ вашу жизнь. Съ нѣжностію думаю объ этомъ миломъ Отрокѣ; я люблю Его, я молюсь о Немъ; я вижу васъ въ Немъ. Я знаю, какъ теплый слой истины истекаетъ изъ вашихъ устъ; я вижу, какъ ваши добродѣтели зарождаются въ этомъ юномъ сердцѣ. Благословенія, которыя нѣкогда Онъ заслужитъ, будутъ вамъ лаврами».

Воспитанію Государя послужили, кромѣ названныхъ лицъ, генералы Мердеръ и Кавелинъ, протоіерей Павскій, профессора университета В. Г. Бажановъ и П. А. Плетневъ, академики Коленсъ, Триніусъ, лексикографъ Эртель; впослѣдствіи къ нимъ присоединились и другіе. Среди всѣхъ своихъ занятій Наслѣдникъ находилъ еще время вести переписку съ близкими Ему сверстниками. Блудовъ разсказываетъ, что и его дѣти нерѣдко писали великому князю: «Письма я лично вручилъ. Онъ ихъ принялъ очень милостиво и прибавилъ: «Обѣщаю отвѣчать». При семъ случаѣ, продолжаетъ Блудовъ, я видѣлъ и слышалъ Его математическій урокъ. Великій князь и съ нимъ Віельгорскій *) и Паткуль разрѣшали очень хорошо довольно трудныя задачи подъ наблюденіемъ и руководствомъ своего учителя, академика Коленса; а я думалъ о своемъ маленькомъ геометрѣ Андрюшѣ, и спрашивалъ самъ себя, былъ ли бы онъ въ состояніи разрѣшить одну изъ сихъ задачъ».

Не только во время занятій, но и въ часы досуга, Наслѣдникъ былъ окружаемъ лучшими явленіями литературы, въ разныхъ ея видахъ. Въ 1831 г. императоръ Николай, въ числѣ подарковъ своихъ на новый годъ, прислалъ Наслѣднику бюстъ Крылова. Можно вообразить, что почувствовало сердце Крылова, когда онъ

*) Графъ Іос. Мих. Віельгорскій, скончавшійся потомъ въ Римѣ. на рукахъ Гоголя. въ 1839 году.

узналъ объ этомъ. Правда, онъ давно уже пользовался большимъ благоволеніемъ особъ императорскаго дома, но въ этомъ случаѣ было нѣчто особенное, милое и содержательное; здѣсь безмолвно высказались—и любовь, и урокъ, и почесть. И царственный питомецъ душевно полюбилъ своихъ наставниковъ и внушалъ взаимную любовь. Жуковскій былъ неистощимъ въ средствахъ образованія и развлеченія: въ 1831 г., лѣтомъ, во время холеры, онъ печаталъ особыя книжки «Муравейникъ, литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей». Уцѣлѣвшіе пять нумеровъ этого изданія имѣютъ цѣль наставительную, образовательную; въ нихъ встрѣчаются и произведенія Жуковскаго, всегда зовущія къ чему-то лучшему, и статьи и переводы неизвѣстныхъ сотрудниковъ (можетъ быть царскихъ дѣтей, учениковъ Жуковскаго). Всѣ статьи пропитаны высокою нравственною чистотою. Въ трежную пору болѣзни Жуковскій дорожилъ своимъ здоровьемъ единственно для того только, чтобы имѣть возможность посвятить его исполненію священнаго долга. «Я весьма сильно дорожу жизнію еще на четыре года—писалъ онъ въ 1832 году — а затѣмъ будь что будетъ».—Ежегодно производимы были испытанія во всѣхъ пройденныхъ предметахъ, и успѣхи находимы были соотвѣтствующими ожиданіямъ августѣйшихъ родителей. Когда Жуковскій въ 1833 г., вслѣдствіе тяжкой болѣзни, долженъ былъ отправиться въ Швейцарію, то на время отсутствія его, преподаваніе русской словесности было поручено П. А. Плетневу. И вотъ что писалъ Плетневъ Жуковскому объ экзаменѣ 1833 г. «На экзаменѣ великій князь показалъ удивительную способность выражаться. Онъ могъ по цѣлому часу безостановочно разсказывать, сохраняя достоинство слога, чистоту языка и пріятность тона. Вашими совѣтами я не

замедлилъ воспользоваться. Они у меня болѣе всего пишутъ и читаютъ *). Теперь я пробую, какъ они изъ знакомыхъ имъ историческихъ происшествій будутъ составлять характеристики лицъ. Мнѣ хочется пріучить ихъ къ сжатости разсказа, къ нѣкоторому созданію въ произведеніяхъ».

Въ 1833 г. воспитатель Наслѣдника генералъ Мердеръ опасно заболѣлъ и выѣхалъ за границу; въ Римѣ онъ былъ утѣшенъ письмомъ своего воспитанника, изъявлявшаго ему большое и нѣжное участіе въ его болѣзненномъ состояніи; обрадованный любовію Наслѣдника и милостями императора, Мердеръ сталъ было поправляться, но не поберегся, заболѣлъ снова и умеръ въ мартѣ 1834 г.; послѣднее слово, имъ произнесенное, было имя его воспитанника; о Немъ одномъ онъ думалъ и мечталъ даже въ бреду предсмертной горячки. Значеніе Мердера въ первоначальномъ воспитаніи Наслѣдника такъ очертилъ Жуковскій: «Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при Великомъ Князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго; вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подъ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ Нимъ выраженіе нѣжности; Онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе».

---

*) Рѣчь идетъ о сестрахъ Наслѣдника и Его соученикахъ—Вѣльгорскомъ и Паткулѣ, которыхъ самъ императоръ Николай выбралъ въ товарищи своему Сыну по воспитанію и обученію.

Въ 1834 г. послѣдовало торжество присяги Наслѣдника. Объ этомъ событіи мы имѣемъ воспоминаніе ближайшаго очевидца, митрополита московскаго Филарета: мужъ строгаго разума возвышается въ своемъ разсказѣ до поэзіи сердца: «Какъ теперь еще вижу я сей прекрасный вечеръ, поистинѣ достойный дня Христова. Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ алтаремъ Воскресшаго, на минуту прерванныхъ, къ открытому слову жизни, къ спасительному кресту Христову, царь настоящій ведетъ юнаго царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ, и скипетръ, и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочитать въ семъ зрѣлищѣ, когда оно еще безмолвствуетъ!.. Слышу священный обѣтъ сына царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое самъ вступающій въ оное съ толикою скромностью назвалъ раннимъ, есть напротивъ того, вполнѣ зрѣлое: потому что Онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы своего родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая Царемъ-Отцомъ за будущее благосостояніе царства, и, согласно съ волею Родителя, Самъ представляетъ Себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ Его, даетъ примѣтить, что онміамъ непорочнаго сердца Его восходитъ горѣ... Могу вамъ свидѣтельствовать, что... сладостно-чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огнь благословенія свыше».

Ко дню совершеннолѣтія Цесаревича, Жуковскій написалъ «Народный гимнъ», «Многолѣтіе» и «Пѣснь на присягу»; съ понятною радостію восклицаетъ онъ о своемъ Питомцѣ:

Смѣнялся быстро годомъ годъ:
Онъ бросилъ дѣтскую одежду,
И въ Немъ привѣтствуетъ народъ
Россіи свѣтлую надежду...
Въ храмъ Божій входитъ царскій Сынъ,
И руку къ небесамъ подъемлетъ;
Предъ Нимъ Отецъ и Властелинъ;
Присягу Сына Царь пріемлетъ;
Съ благословеніемъ внимн
Словамъ души его младыя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія!

Поэтъ-наставникъ приглашаетъ всѣхъ молиться, чтобы царь-отецъ упрочилъ благостію и правдой тронъ,

Чтобъ Сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія

Нѣсколько дней спустя послѣ торжества присяги, Жуковскій писалъ о ней Дмитріеву: «Это была возвышенная, трогательная минута. Имъ всѣ радуются, и это глубоко меня радуетъ. Дай Богъ, чтобы Его жизнь вся была похожа на этотъ первый важный день Его дѣйствительной жизни». Долго помнилъ объ этомъ торжествѣ Жуковскій; онъ вспоминаетъ объ немъ и черезъ три года и заключаетъ свои слова возвышеннымъ желаніемъ Наслѣднику: «Да сохранится Его жизнь навсегда въ теперешней своей непорочности; да будетъ она вся прекрасна, какъ ея утро, расцвѣтшее подъ кроткимъ вліяніемъ хранительной дружбы и чистыхъ семейственныхъ нравовъ; вся величественна и полна высокаго значенія, какъ сія присяга во храмѣ».

Въ тотъ же годъ совершеннолѣтія привѣтствуетъ Наслѣдника, какъ «надежду русскаго народа», съ днемъ

Его ангела Козловъ. Въ день 30 августа поэтъ напоминаетъ державному именинику дѣянья славы, совершенныя его сименниками—Невскимъ и Благословеннымъ, и желаетъ Ему—

Да будутъ вѣчно образцами
Двухъ предковъ славныя дѣла.
Тебѣ имъ вслѣдъ стремиться должно
И вслѣдъ державнаго отца,
Умножь еще, когда возможно,
Сіянье русскаго вѣнца.

Что же плѣняетъ поэта въ этихъ вѣнценосныхъ предкахъ Наслѣдника? То, что первый изъ нихъ былъ въ ордѣ щитомъ народныхъ правъ и, великій въ бою и въ мирѣ, смирялся духомъ предъ крестомъ; другой явился спасеньемъ земли родной и чужихъ странъ, и когда въ Парижъ, павшій передъ нимъ,

Вступилъ,—враждебному народу
Блаженство съ миромъ возвратилъ,
И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ московскій озарилъ.

Но высшимъ образцомъ монарха поэту является тотъ, кто на престолѣ и мудрый царь и человѣкъ,

Кто льетъ щедротой дни златые,
И въ сердцѣ кто хранитъ возмогъ
Тѣ добродѣтели святыя,
Которыхъ образомъ самъ Богъ.

Воспитаніе Наслѣдника продолжалось и по принятіи Имъ присяги. Въ какой мѣрѣ внимательно велось дѣло ознакомленія Его съ родной литературою, можно видѣть изъ того, что Жуковскій немедленно познакомилъ Его съ народными малороссійскими пѣснями, чуть только онѣ

были изданы М. А. Максимовичемъ въ 1834 году; объ этомъ съ восторгомъ писалъ Гоголь Максимовичу: «Жуковскій читалъ нѣкоторыя, онѣ произвели эффектъ. Многія понравились Наслѣднику».

Въ годъ совершеннолѣтія Цесаревича, попечителемъ къ Нему былъ назначенъ князь Хр. А. Ливенъ, бывшій тогда представителемъ Россіи въ Лондонѣ, гдѣ онъ прожилъ 22 года. Сперанскому было поручено познакомить Наслѣдника съ государственными постановленіями и законами; графу Канкрину—съ началами государственной экономіи и финансовъ; Круппову (бывшему потомъ посланникомъ въ Англіи)—съ дипломатическими отношеніями Россіи къ другимъ европейскимъ державамъ. Все дѣло было поставлено такъ, чтобы въ 1837 году всѣ части воспитанія. свободно и въ полнотѣ, достигли своего окончанія. Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ Жуковскаго, являлись въ помощь дѣлу и другіе; такъ, А. П. Тургеневъ въ 1837 году взялся доставлять изъ чужихъ краевъ всякаго рода книги и свѣдѣнія для содѣйствія Арсеньеву въ его преподаваніи. Воспитаніе было закончено личнымъ знакомствомъ Наслѣдника съ народомъ—Его путешествіемъ по Россіи.

По этому поводу Арсеньевъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, заблаговременно составили указатель, въ которомъ изложены были историческія и промышленныя достопримѣчательности каждаго встрѣчавшагося на пути города или селенія, съ поименованіемъ частныхъ лицъ, жившихъ тамъ и сдѣлавшихся извѣстными какимъ либо полезнымъ предпріятіемъ. Со 2 мая по 14 ноября 1837 г. Жуковскій и Арсеньевъ находились въ свитѣ, сопровождавшей Цесаревича; съ ними былъ и товарищъ Его по воспитанію, графъ І. Вielьгорскій (до Вятки) Предполагалось было начать путешествіе на сѣверъ—въ Вологду. Молва о добротѣ Наслѣдника уже разнес-

лась по Россіи и потому понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали Его тѣ, участь которыхъ могла облегчить только Его благость. Въ Вологдѣ поэтъ Вл. Соколовскій, незадолго передъ тѣмъ сосланный туда, готовился поднести Ему свою поэму «Альма» (содержаніе изъ «Пѣсни Пѣсней»), при высоко-поэтическомъ посвященіи Его имени; но позднее наступленіе весны и эпидемія въ Вологдѣ измѣнили планъ путешествія и Наслѣдникъ въ Вологду не пріѣхалъ. Во всѣхъ губернскихъ городахъ, ко времени прибытія Его, приготовлены были выставки, гдѣ соединено было все, что только находится любопытнаго въ цѣлой губерніи изъ произведеній природы и народной промышленности. На выставкѣ въ Вяткѣ, Жуковскій и Арсеньевъ обратили вниманіе на молодого чиновника, показывавшаго имъ выставку и, узнавъ въ немъ сосланнаго литератора Герцена, ходатайствовали за него предъ Наслѣдникомъ. Наслѣдникъ немедленно просилъ императора о прощеніи, о разрѣшеніи Герцену выѣхать изъ Вятки, и Государь повелѣлъ перевести его во Владиміръ. Съ дороги Жуковскій писалъ письма къ императрицѣ и передавалъ въ нихъ простыя, неподдѣльныя, всеобщія чувства радости, съ которою повсюду встрѣчали Наслѣдника. «Всѣ благодарятъ царя за то, что послалъ своего Сына знакомиться съ своимъ народомъ». Главную пользу отъ путешествія Жуковскій видѣлъ не столько въ пріобрѣтеніи свѣдѣній о состояніи Россіи, сколько въ нравственномъ глубокомъ впечатлѣніи, которое производила на Наслѣдника народная любовь. «Онъ былъ полонъ радостнымъ благодарнымъ чувствомъ къ русскому народу» — свидѣтельствуетъ Жуковскій,— оно сокровище драгоцѣнное народу, еще болѣе драгоцѣнное Наслѣднику престола». Наслѣдникъ самъ постоянно писалъ къ своей августѣйшей матери; по этому поводу Жуковскій говорилъ: «Завидую

Ему въ этой способности владѣть перомъ во всякое время, съ незапутанными мыслями, послѣ величайшей усталости. Завидую и въ то же время радуюсь». На возвратномъ пути, въ поѣздкѣ по Оренбургскому краю, сопровождалъ Наслѣдника, вмѣстѣ съ Перовскимъ писатель Даль, великій знатокъ народнаго быта. На пути изъ Сибири, Жуковскій передастъ императрицѣ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ своей жизни: «На дорогѣ между Бунискомъ и Симбирскомъ встрѣтилъ насъ фельдъегерь и скоро потомъ Великій Князь сообщилъ мнѣ содержаніе письма Государя Императора... Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое, Великій Князь, А. А. Кавелинъ и я, обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали одно и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю. Великій Князь послалъ письмо свое изъ Тобольска... Не могу не подѣлиться съ вами, какъ съ доброй матерью, тою радостію, которую произвелъ во мнѣ этотъ произвольный порывъ къ милосердію въ нашемъ миломъ Цесаревичѣ. Никто не побуждалъ его къ состраданію; Онъ Самъ съ прелестною сыновнею свободою и довѣренностію высказалъ все государю. Понимаю по себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на всю Россію милость Самодержца, произнесенная во имя Сына, и какую прелесть Онъ получитъ въ глазахъ ея, ставъ у престола представителемъ царской благости, лучшаго достоянія всемогущества царскаго. Я поцѣловалъ съ жаромъ Великаго Князя, а послѣ мнѣ стало жаль, что я не поцѣловалъ у Него руку... я видѣлъ передъ собою не милаго своего питомца, а высокаго царскаго сына, имѣющаго въ себѣ нѣчто такое, что никому изъ насъ, обыкновенныхъ людей, принадлежать не можетъ... божественное очарованіе всесильной благости... Всемогущество благости есть то именно, и то одно, что выво-

дитъ царей изъ ряда человѣчества. Это ихъ верховная привиллегія, это та ступень, на которой они стоятъ между людьми и божествомъ. Боже мой! какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго Сына царскаго!.. Сколько ранъ будетъ исцѣлено, и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется передъ Богомъ»... Въ этомъ изліяніи радости растроганнаго поэта. рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ сосланныхъ въ 1826 году, которые, по ходатайству Наслѣдника, были возвращены ихъ семействамъ. Жуковскій перечисляетъ еще нѣсколькихъ несчастныхъ и скромно ходатайствуетъ о нихъ предъ государыней, чтобы появленіе Наслѣдника освѣтило и дальніе края посѣщенной Имъ Сибири. «Не покажется ли Онъ всѣмъ, и страждущимъ за вину изгнанникамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ, и всѣмъ, у кого есть въ груди сердце, не покажется ли Онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба примирителемъ и посредникомъ».

Обозрѣвъ Россію отъ Петербурга до Тобольска, Цесаревичъ возвратился опять чрезъ всю почти Россію до Краснаго, оттуда по третьему направленію направился въ Москву. Въ окрестностяхъ Калуги Жуковскій встрѣтилъ писателя-паломника Муравьева и пригласилъ его сопутствовать имъ, при осмотрѣ московской святыни и Новаго Іерусалима, чтобы сравнить для Наслѣдника древній храмъ св. Гроба съ русскимъ его подобіемъ.

Едва Наслѣдникъ прибылъ въ Москву, Погодинъ, со свойственнымъ ему живымъ и пылкимъ чувствомъ, оповѣстилъ Россіи пріѣздъ Его. Много истиннаго краснорѣчія сердца слышится въ его порывистомъ разсказѣ; рѣчь его была прямымъ отраженіемъ шумной радости москвичей, которые, со дня рожденія Наслѣдника, называли Его своимъ кремлевскимъ. Говоря о встрѣчѣ Цесаревича въ Кремлѣ, Погодинъ замѣтилъ: «она оста-

пется для Него незабвенною, сколько бы великихъ минутъ ни даровало Ему благое Провидѣніе... «Отецъ Ты нашъ, отецъ Ты нашъ!» восклицали сѣдые старики, опираясь на костыли свои, и потухающими взорами ловя движенія царственнаго юноши». Жуковскій разсказываетъ, что Наслѣдникъ одинъ пошелъ сквозь густую толпу народную въ Успенскій соборъ и остановился у входа; когда митрополитъ Филаретъ началъ Его привѣтствовать, Онъ внималъ смиренно, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ. Опять сквозь густую толпу пошелъ Онъ въ соборъ Благовѣщенскій и Архангельскій и наконецъ на Красное крыльцо, на вершинѣ котораго остановился, чтобы поклониться московскому народу... Въ сильномъ движеніи души, почувствовавъ величіе этой минуты, Жуковскій жалѣлъ, что государь и государыня не могли ею насладиться. Митрополитъ Филаретъ встрѣчаетъ Наслѣдника и въ Москвѣ, и въ лаврѣ св. Сергія, говоритъ рѣчь за рѣчью, и наговориться не можетъ. Радость, назиданіе, благодарность одушевляютъ его слово. «Обходя страны Россіи, уже Ты простерся далѣе, нежели кто-либо изъ ея царей. Собственное око Твое собираетъ или повѣряетъ и умножаетъ свѣдѣнія о ея силахъ, средствахъ и потребностяхъ. Какихъ вожделѣнныхъ плодовъ должна надѣяться отъ сего Россія». Болѣе всего тронуло архипастыря доброе сердце Наслѣдника; тогда же писалъ онъ намѣстнику лавры Антонію: «Возлюбленный гость нашъ исполняетъ утѣшеніемъ все, къ чему приближается». Позднѣе—въ своемъ словѣ на коронаціи—владыка говоритъ о милосердіи Наслѣдника, такъ ярко обнаруженномъ въ Его путешествіи: «Можно ли не воспомянуть теперь, что Первородный Сынъ Благочестивѣйшаго Государя нашего... одно изъ раннихъ движеній наслѣдственной благости явилъ въ сострадательномъ

вниманіи къ судьбѣ должниковъ правосудія и въ ходатайствѣ предъ Августѣйшимъ Родителемъ о ея облегченіи, какое только возможно милосердію безъ оскорбленія правосудія, и что милосердіе царя съ радостію отозвалось милосердію Сына царева». Муравьевъ, авторъ «Путеш. къ Св. мѣстамъ русскимъ», замѣчаетъ другую черту путешествія Наслѣдника къ московской святынѣ: „посреди восточнаго великолѣпія нашихъ церковныхъ обрядовъ, шествовалъ великій князь, Самъ, безъ всякой пышности, кромѣ той, какую щедро излила на Него природа». 16 дней обозрѣвалъ Цесаревичъ Москву и ея окрестности. При поклоненіи въ Новомъ Іерусалимѣ, Муравьевъ предложилъ Ему принесенную отъ самого гроба Господня, какъ благословеніе Св. Земли, перламутровую икону Рождества Спасителя. Недавній поклонникъ Палестины, Муравьевъ представилъ Цесаревичу планы обоихъ Іерусалимовъ и, провожая по священнымъ мѣстамъ, указывалъ ихъ взаимное сходство и несходство: при этомъ онъ обратилъ вниманіе Наслѣдника на чрезвычайное убожество русской часовни св. Гроба, которая, будучи раззолочена снаружи, внутри была лишена всякихъ украшеній и освѣщалась большею частію одной лампадою, тогда какъ въ Іерусалимѣ стѣны часовни обложены мраморомъ и горитъ въ ней 36 неугасаемыхъ лампадъ. Цесаревичъ сейчасъ же предложилъ украсить, на Его счетъ, мраморомъ всю внутренность священной часовни и прислать въ нее по одной серебряной лампадѣ отъ каждой особы Царствующаго дома. Украшеніе мраморомъ часовни было поручено митрополиту Филарету и окончено имъ въ 1839 г. Жуковскій нашелъ возможность другимъ образомъ порадовать здѣсь Цесаревича: въ придѣлѣ св. Александра Невскаго, онъ указалъ Ему на висѣвшій тамъ рескриптъ отца Его къ архипастырю московскому о рожденіи въ 1818 году первенца. Чтеніе

этого рескрипта возбудило въ Цесаревичѣ чувство радостнаго умиленія, и Онъ нѣжно обнялъ своего добраго наставника.

Заботливое вниманіе Путешественника обращено было и на дѣло науки въ Москвѣ. При посѣщеніи синодальной ризницы и библіотеки, указано было на тѣсноту ихъ и безпорядокъ, и положено перенести библіотеку во вновь пристроенное помѣщеніе. Въ сопровожденіи Жуковскаго, Цесаревичъ посѣщалъ университетскія лекціи. При этомъ одинъ изъ профессоровъ цѣлый часъ выводилъ Жуковскаго изъ терпѣнія чтеніемъ ему въ лицо, и въ торжественной обстановкѣ, чрезвычайно льстивыхъ восхваленій его таланту и проч. «Этой бани не могу я забыть»—говорилъ Жуковскій и черезъ три года послѣ лекціи, и не въ силахъ былъ даже встрѣчаться съ тѣмъ профессоромъ. Тогда же Погодинъ представилъ Наслѣднику свою записку «О Москвѣ», гдѣ кратко обозрѣваетъ ея исторію, говоритъ о причинахъ ея возвышенія, объ участіи въ общей жизни Россіи до 1812 года, когда «огнепшое зарево ея пожара освѣтило спасеніе царствъ и народовъ». Указывая значеніе Москвы, какъ средоточія и представительницы Россіи, Погодинъ останавливается на той любви народной, которая встрѣчаетъ и окружаетъ Наслѣдника въ Москвѣ, и вѣритъ, что отъ этой любви «сердце Его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для царей на этомъ свѣтѣ». Наслѣднику угодно было, по прочтеніи этой записки, чтобы Погодинъ представилъ Ему свое мнѣніе о важнѣйшихъ эпохахъ въ русской исторіи.

Въ путешествіи Цесаревича далѣе по Россіи, ученикъ рязанской гимназіи Полонскій (нынѣ извѣстный поэтъ) имѣлъ счастіе поднести Ему стихи свои за которые удостоился получить отъ Него золотые часы. Въ

Полтавѣ привѣтствуетъ его поэтъ А. Родзянка; съ холма Полтавы (шведской могилы) обозрѣваетъ онъ славныя событія Россіи и зоветъ Цесаревича слѣдовать орлинымъ полетомъ впередъ,—

Россія исполинъ готова;
Люби лишь вѣрный Свой народъ,
Смотри, какъ отъ царева слова
Шагаетъ онъ изъ года въ годъ.

Посѣтивъ югъ Россіи, Крымъ, Цесаревичъ возвратился въ Петербургъ 12 декабря того же года. Все путешествіе продолжалось 148 дней и составило 14,273½ версты. По выраженію Жуковскаго, оно было какъ бы всенароднымъ обрученіемъ Наслѣдника съ Россіею. Муравьевъ свидѣтельствуетъ, что онъ по всей дорогѣ слышалъ единодушныя благословенія царственному юношѣ, и что движеніе нравственное, произведенное этимъ путешествіемъ, невыразимо велико. Оно оживотворило поколѣніе отживающее и окрылило веселою надеждою поколѣніе возникшее. Съ своей стороны и Цесаревичъ, въ письмѣ къ одному изъ своихъ наставниковъ, такъ выразилъ общее впечатлѣніе свое отъ путешествія: „Я своими глазами вблизи познакомился съ нашей матушкой-Россіею, и научился еще болѣе любить ее и уважать. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ“.

Легко вообразить себѣ, какъ это обширное и поучительное путешествіе подѣйствовало на Жуковскаго, съ его талантомъ, знаніями и направленіемъ ума, съ его великою обязанностью при Цесаревичѣ. Можно быть увѣреннымъ, что ни одно изъ живыхъ впечатлѣній не осталось безплоднымъ, а эти впечатлѣнія были и многочисленны, и трогательны, и величественны. Въ сви-

тѣ, окружавшей Наслѣдника, Жуковскій, конечно, явился самымъ оживленнымъ собесѣдникомъ, у котораго всякое высокое ощущеніе и возрастало и всѣхъ возбуждало, наэлектризовывало. Сохранились ли какія нибудь записки Жуковскаго о путешествіи—мы не знаемъ; но онъ дѣлалъ замѣтки, собирался привести ихъ въ порядокъ, чтобы представить отчетъ императрицѣ; работалъ даже какъ рисовальщикъ и привезъ съ собою значительное собраніе очерковъ различныхъ мѣстъ и предметовъ; а онъ умѣлъ избирать точки, съ которыхъ предметъ представляется наивыгоднѣе, умѣлъ схватывать, въ самыхъ легкихъ очеркахъ, все характеристичное.

Въ 1838 г. Погодинъ представляетъ Цесаревичу свое разсужденіе о важнѣйшихъ эпохахъ въ русской исторіи, при обширномъ письмѣ, въ которомъ говоритъ о силѣ Россіи, въ необходимой нравственной связи со всѣми славянами, обозрѣваетъ тогдашнее состояніе Европы и, увлекаясь вѣрить, что будущая судьба міра зависитъ отъ Россіи; но тутъ же замѣчаетъ: «Государь! есть еще иная слава — слава чистая, прекрасная, высокая, святая, слава добра, слава любви, знанія, права, счастія. Что въ силѣ? Другая слава лестнѣе, вожделѣннѣе, и ею мы можемъ озариться также».—Въ заключеніе Погодинъ вѣритъ, что будущее принадлежитъ славянамъ, что представительницѣ ихъ—Россіи—суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества.

Въ томъ же году Жуковскій сопровождаетъ Наслѣдника въ Его обозрѣніи Европы. Трудно передать, сколько нужно было потрудиться Жуковскому, сколько важнѣйшихъ предметовъ, сколько историческихъ лицъ надо было ему привести для себя въ стройную систему, въ ясное сознаніе. А онъ не могъ трудиться легко и поверхностно. Сопровождая Наслѣдника и проводя

большую часть времени при Немъ, Жуковскій пишетъ письма съ дороги императрицѣ и великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. Съ нѣжнѣйшею отцовскою заботою безпокоится онъ о нездоровьѣ Наслѣдника и настаиваетъ предъ государынею на нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ ходѣ путешествія, необходимыхъ для укрѣпленія здоровья Наслѣдника на будущее время. Это отсрочивало возвращеніе въ Россію, но Цесаревичъ, принужденный принести эту жертву, болѣзненную для сердца и трудную для воли, сохраняетъ, по словамъ Жуковскаго, всю свою кротость. «Онъ милъ и добръ, какъ въ минуту полнаго счастія». Далѣе—Жуковскій не нарадуется тому впечатлѣнію, которое произвелъ Наслѣдникъ повсюду заграницею: «вездѣ поняли Его чистоту душевную, Его прямой, высокій характеръ; всюду произвелъ Онъ одинаковое впечатлѣніе: Его полюбили и отдали справедливость тѣмъ качествамъ, которыя Онъ подлинно имѣетъ, Его чистому сердцу, Его здравому уму и тому достоинству, которое Онъ непринужденно и самымъ привлекательнымъ образомъ сохраняетъ». Вообще, Жуковскій не можетъ наговориться «объ нашемъ миломъ Наслѣдникѣ». Поэтъ изнемогалъ только подъ напливомъ историческихъ впечатлѣній. Въ Сардамѣ, посѣщая домикъ Петра Великаго, поэтъ нашелъ въ себѣ силу сказать только:

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій Князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Тогдашнія впечатлѣнія свои Жуковскій выразилъ гораздо полнѣе въ позднѣйшихъ письмахъ къ великому князю Константину Николаевичу.

Въ дальнѣйшемъ путешествіи. Жуковскій съ полною скромностію выражается о другой цѣли заграничной поѣздки, даже передъ Августѣйшей матерью Наслѣдника: «Но что дѣлается теперь въ Его сердцѣ—я не знаю... Это для меня святыня, къ которой прикасаться не смѣю. Да благословитъ Богъ ту минуту, въ которую выборъ сердца рѣшитъ судьбу Его жизни!»—И только узнавши отъ самого Наслѣдника о его выборѣ, Жуковскій пишетъ государынѣ съ чувствомъ благоговѣйной вѣры: «Гдѣ мы устраивали по своему, тамъ Провидѣніе готовило свое. Гдѣ мы искали, тамъ не нашлось. Гдѣ не ожидали, тамъ встрѣтилось само собою... Я предложилъ было Великому Князю остановиться дня на три въ Дармштадѣ, но... Онъ и въ дѣлѣ сердца предпочелъ дождаться того, что будетъ рѣшено Государемъ, и слѣдовать своему чувству тогда только, когда оно будетъ согласно съ одобреніемъ Вашимъ».

Среди всѣхъ новостей и радостей заграничнаго путешествія, Цесаревичъ постоянно вспоминалъ Россію, свое путешествіе по ней, народную любовь, народныя пѣсни, велъ переписку съ близкими Ему, получалъ изъ Россіи новыя книги. Въ поѣздкѣ, предпринятой изъ Берлина въ Стокгольмъ, на пароходѣ, не разъ составлялся, по желанію Его, импровизированный хоръ пѣвчихъ изъ лицъ свиты, и Самъ Онъ всегда принималъ участіе въ хорѣ. Изъ Вѣны Онъ вотъ что писалъ, 21 февраля 1839 г., къ Арсеньеву:

«Давно собирался Я отвѣчать вамъ, любезный Константинъ Ивановичъ, на доброе письмо ваше, которое Я получилъ еще въ Римѣ, но доселѣ Мнѣ никакъ времени не доставало. Пользуюсь теперь свободной минутой, чтобы отъ души поблагодарить васъ за добрыя чувства ко Мнѣ. Сколько разъ вспоминалъ Я, во время Моего европейскаго странствованія, наше россійское

путешествіе, которое на всю жизнь оставило Мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Если увидите П. А. Плетнева, то прошу васъ его поблагодарить за письмо и за присылку книгъ и сказать ему, что Мнѣ точно некогда отвѣчать ему. Теперь попали Мы изъ италіянской весны въ германскую зиму: перемѣна довольно необыкновенная и, признаюсь, не совсѣмъ пріятная; но Я чувствую Себя, благодаря Бога, совершенно хорошо, и прошу васъ, любезный Константинъ Ивановичъ, не забывать васъ отъ души любящаго.

Александръ».

По возвращеніи Своемъ изъ-заграничнаго путешествія, Цесаревичъ почтилъ александровскій университетъ (котораго Онъ былъ канцлеромъ) милостивымъ рескриптомъ, по поводу его 200-лѣтняго юбилея. Рескриптъ былъ напечатанъ въ гельсингфорской газетѣ «Finlands Allmänne Tidning», какъ въ русскомъ оригиналѣ, такъ и въ переводѣ на шведскій языкъ. А въ слѣдующемъ нумерѣ той же газеты появилось прекрасное стихотвореніе неизвѣстнаго поэта, обращенное къ Наслѣднику. Приведемъ нѣсколько строфъ изъ него въ прозаическомъ переводѣ:

«Въ сердцахъ финновъ искони жила любовь, съ которою они довѣрчиво приближались къ своимъ государямъ, когда знали, что ни порфира власти, ни злато ея сокровищъ не ослѣпляютъ очей ихъ, что имъ знакомы черты, понятенъ голосъ той любви...

«Въ другихъ странахъ солнце, съ каждымъ утромъ возжигаемое, гаснетъ каждый вечеръ; но то, которымъ озаряются края Отцовъ Твоихъ, никогда не догораетъ до конца... Сія картина предъ тобой: да послужитъ она Тебѣ нѣкогда образцомъ Твоихъ дѣяній! Какъ солнце, не зная усталости, льетъ свое сіяніе на равнины

русскія, такъ пусть и взоръ Твой безъ утомленія будетъ бросать яркій свѣтъ во всѣ стороны, пусть будетъ утѣшать страждущихъ, а радующихся еще болѣе радовать.

«О, если волею Ты будешь столь же возвышенъ, какъ могуществомъ, съ которымъ ничто на землѣ не сравнится... то и по прошествіи вѣковъ, каждый будетъ такъ же горячо любить Твою память, какъ теперь любитъ въ Тебѣ свою лучшую надежду».

Въ новую заграничную поѣздку 1840 года Жуковскому поручено было заняться преподаваніемъ русскаго языка Августѣйшей Невѣстѣ Государя Наслѣдника. По совершеніи этого дѣла, Жуковскій сложилъ съ себя высокое званіе наставника, сопровождаемый признательностію Императора и нѣжною любовію Цесаревича; отправившись потомъ за границу, онъ велъ частую переписку съ своимъ любимымъ Питомцемъ. Полный разсказъ о минувшихъ двѣнадцати годахъ воспитанія покажетъ нѣкогда ясно всѣмъ, какъ свято исполнилъ Жуковскій царское порученіе. Не одной своей поэзіей будетъ онъ памятенъ въ потомствѣ, но и этимъ великимъ дѣломъ своего ума и сердца.

Въ 1841 году, 16-го апрѣля, совершилось бракосочетаніе Цесаревича. При торжествѣ бракосочетанія, съ особеннымъ восторгомъ присутствовалъ Жуковскій; милости царскія, излившіяся тогда на него, превзошли ожиданія всѣхъ. По собственному выраженію Жуковскаго, государь устроилъ его будущее, какъ добрый, заботливый отецъ *). А Цесаревичъ и потомъ никогда и никого не забывалъ изъ своихъ наставниковъ и по царски вспомнилъ ихъ чрезъ 15 лѣтъ, въ день Своего коронованія.

*) Длинный рядъ царскихъ милостей приведенъ самимъ Жуковскимъ, въ письмѣ его № къ А. П. Елагиной. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1869, 6, с. 291.

Встрѣчал Высокоповобрачныхъ въ Сергіевой лаврѣ. митрополитъ Филаретъ говорилъНаслѣднику: «Пришествіе Твое въ сію обитель радостно для всей православной Россіи: поелику оно являетъ, что Ты шествуешь царскимъ родительскимъ и прародительскимъ путемъ благочестія, ведя съ Собою тѣми же стопами и избранную Тобою сопутницу жизни»...

Въ 1842 г. Цесаревичъ посѣтилъ александровскій университетъ и обрадовалъ всѣхъ его дѣятелей невыразимою благосклонностію. И университетъ, который уже нѣсколько лѣтъ сознавалъ, что всѣ его интересы всегда находили живой отголосокъ въ сердцѣ Высокаго Канцлера, не могъ равнодушно встрѣтить вѣсть о рожденіи первенца у Наслѣдника. Состоялось особое торжественное собраніе, въ которомъ профессоръ (нынѣ академикъ) Я. К. Гротъ изложилъ нѣсколько воспоминаній объ историческихъ событіяхъ, совершившихся въ сентябрѣ, особенно 8 числа, когда родился сынъ Цесаревича. Сердцу оратора хотѣлось видѣть въ этомъ совпаденіи замѣчательныхъ событій добрыя предзнаменованія для будущаго, и въ живомъ душевномъ движеніи, обращаясь къ Новорожденному, онъ, между прочимъ, говоритъ Ему: «Созерцая могущество небомъ тебѣ пріуготовляемое, да возрадуешься всего болѣе мыслію о томъ благѣ, какое изъ длани твоей можетъ излиться на человѣчество".

Въ январѣ 1845 г. Жуковскій изъ Франкфурта на Майнѣ увѣдомляетъ своихъ московскихъ друзей о рожденіи у него сына и прибавляетъ: «крестить его будетъ Великій Князь Наслѣдникъ». Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ туда же, жалуясь на молчаніе своихъ друзей въ Россіи: «Что за онѣмѣніе такое нашло на васъ! Одинъ только крестный Отецъ сына, мой милый Великій Князь, за всѣхъ ко мнѣ пишетъ; вчера полу-

чилъ третье письмо Его послѣ рожденія сына». Безъ всякаго сомнѣнія, по ходатайству Жуковскаго царскія милости лились и на другихъ русскихъ дѣятелей, особенно заграницею. Такъ, въ 1845 г. императоръ Николай даровалъ Гоголю, на три года, по 1,000 р. каждый годъ, а Наслѣдникъ прибавилъ къ этому отъ Себя по 1,000 франковъ ежегодно. Въ 1847 г. художникъ Ивановъ, по ходатайству Жуковскаго, получилъ 3,000 рублей отъ Наслѣдника, да и прежде, еще въ 1841 году, онъ не разъ пользовался Его милостями. Умеръ С. Н. Глинка и Наслѣдникъ является покровителемъ и благодѣтелемъ его семейства. И Жуковскій, радуясь, всегда говоритъ о Немъ въ ласкающихъ и грѣющихъ выраженіяхъ: «Ждемъ нашего милаго, добраго, благодушнаго Великаго Князя Наслѣдника; падняхъ я получилъ отъ Него письмо, въ которомъ Онъ увѣдомляетъ меня, что въ начальныхъ дняхъ іюня (1847) будетъ на Рейнѣ... Я сдѣлалъ запросъ моему милому Высочеству, точно ли будетъ повтореніе (праздника царскаго 25-тилѣтія). Жду Его отвѣта». И тутъ же начертываетъ поэтическій планъ торжественнаго праздника, которымъ совѣтуетъ москвичамъ встрѣтить Государя.

Въ 1848 году Арсеньевъ, напечатавъ «Статистическіе очерки Россіи», посвящаетъ ихъ Наслѣднику, при замѣчательномъ письмѣ, въ которомъ говоритъ, между прочимъ:

«Вы любите Россію искренно — я помню, съ какимъ одушевленіемъ бесѣдовали Вы о величіи Россіи и о великихъ подвигахъ, въ разныя времена совершенныхъ русскими, съ какимъ любопытствомъ наблюдали Вы каждое движеніе на поприщѣ совершенствованія и образованія, и съ какимъ участіемъ скорбѣли о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жиз-

ии для народа». (Сборн. Отд. Рус. яз. и и сл. 1872, т. IV, стр. 58).

29-го января 1849 г. исполнилось 50-ти-лѣтіе литературной дѣятельности Жуковскаго. Такъ какъ самого Жуковскаго въ то время въ Петербургѣ не было и поэтому юбилей не могъ быть совершенъ торжественно, то друзья поэта отпраздновали полувѣковой день его домашнимъ образомъ, въ квартирѣ князя П. А. Вяземскаго. Но Государь Наслѣдникъ почтилъ своимъ присутствіемъ это скромное торжество, во изъявленіе сердечнаго сочувствія и уваженія къ бывшему Своему наставнику. Всѣ участвовавшіе, съ Наслѣдникомъ во главѣ, записали имена свои на листѣ, который на другой день былъ отправленъ къ Жуковскому; нужно ли договаривать, какъ онъ былъ тронутъ подобнымъ вниманіемъ. Въ томъ же году, въ день рожденія Наслѣдника, Жуковскій посвятилъ Ему полное изданіе своихъ сочиненій (послѣднее при жизни) при слѣдующемъ посвященіи:

«Примите милостиво мое приношеніе въ память многихъ лучшихъ лѣтъ моей жизни, съ любовію Вамъ посвященной, теперь устарѣлой, но все еще свѣжей тѣми чувствами, которыя здѣсь для Васъ въ душѣ моей до гроба и съ нею останутся неразлучными вѣчно».

Чувства, которыя питалъ Жуковскій къ своему Питомцу, проявлялись въ произведеніяхъ и другихъ русскихъ поэтовъ. Вотъ изъ той же поры нѣсколько строкъ О. И. Глинки, написавшаго въ 1849 г. стихотвореніе «Вотъ Онъ!» Это три очерка трехъ эпохъ жизни Цесаревича, навѣянные тремя Его портретами 1828, 1838 и 1848 годовъ. Мы приведемъ отрывокъ, относящійся къ третьей эпохѣ, гдѣ поэтъ является истолкователемъ чувствъ и надеждъ русскаго народа; это вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркъ тогдашней жизни Наслѣдника.

Но юности пора златая
Крылата какъ волшебный сонъ:
Изъ силы въ силу возрастая,
Ужь намъ явился Мужемъ Онъ,
И чаще, бѣгая отъ шума,
Слѣдитъ Онъ будущность во мглѣ,
И чаще царственная дума
Гоститъ на царственномъ челѣ;
И стали ужь ходить заботы
Къ Нему съ докладомъ въ кабинетъ:
Правленья тягостны работы,
Когда при нихъ отрады нѣтъ,
Но у Него близка отрада:
Онъ и отецъ и семьянинъ.
Въ сынахъ—ростетъ Его награда,
Въ семьѣ—Онъ Самъ примѣрный сынъ...
Помолимся-жь, чтобъ нашъ Наслѣдникъ,
При долгоцарствіи отца,
Умомъ былъ мудрыхъ собесѣдникъ,
А сердцемъ бралъ къ Себѣ сердца,
Чтобъ пристально Онъ въ Русь вглядѣлся,
Ея судебъ постигнулъ ходъ,
Тепломъ души ея нагрѣлся
И, какъ любимъ, любилъ народъ!

Въ 1852 г. въ Баденъ-Баденѣ скончался Жуковскій. Тѣло его потомъ было перевезено въ Петербургъ, и въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи Наслѣдника и великой княгини Маріи Николаевны, отпѣта была надъ нимъ панихида. Слезы Августѣйшихъ Особъ, оплакивавшихъ утрату наставника Ихъ и друга, смѣшались со слезами почитателей поэта на его гробъ, который, наравнѣ съ друзьями поэта, несъ и Государь Наслѣдникъ изъ церкви до самой могилы.—Въ маленькомъ собраніи стихотвореній, которое издалъ Жуковскій не задолго передъ смертію своей, послѣднею пьесой стояло: «Боже, Царя храни»!

II.

Настало 18 февраля 1855 года. Въ полночь на 19-е Хомяковъ писалъ изъ Москвы графинѣ А. Д. Блудовой:

«Нынче въ Москвѣ прошелъ слухъ, кажется, несомнѣнный. Судьбы Божіи неисповѣдимы и неотразимы. Есть Человѣкъ, Котораго сердце исполнено теперь глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое Онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы съумѣли Ему сказать слово отрады; дай Богъ чтобы Его успокоили. Пусть только вѣритъ Онъ Россіи; она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего Государя. Будутъ, конечно молебствія, но не дожидая ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячи станутъ на колѣняхъ въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло за Него, за Его счастье и крѣпость въ подвигѣ жизни. Не думаю, чтобы такія молитвы были безплодны» (Арх. 1869).

Такимъ душевнымъ, полнымъ вѣры словомъ былъ встрѣченъ первый день царствованія новаго Государя, заря новой жизни Россіи.

День восшествія императора Александра II на престолъ, несмотря на массу окружавшихъ тогда Россію враговъ и всякихъ затрудненій, былъ для всѣхъ русскихъ днемъ великихъ надеждъ. «Слава Богу!—писалъ митрополитъ Филаретъ къ А. Муравьеву,—что свѣтлыя вѣсти о воцарившемся Государѣ Императорѣ разрѣшаютъ облако и озаряютъ души надеждами». Тогдашнія думы, упованія, чувства выразились всего ярче и прямѣе во множествѣ истинно-патріотическихъ и вдохновенныхъ стихотвореній; мы приведемъ изъ нихъ нѣ-

сколько существенныхъ отрывковъ, вполнѣ вѣря искренности тогдашняго слова и опираясь на сильное выраженіе Пушкина: «гласъ лиры—гласъ народа». Однимъ изъ первыхъ выразителей тогдашняго настроенія явился М. Дмитріевъ; вотъ нѣкоторые стихи изъ его оды на восшествіе на престолъ императора Александра II:

...Дерзай, нашъ Вождь! Но въ то же время
Другое царственное бремя
Ты возложилъ на рамена!
Твоя великая страна
Великой требуетъ управы!
То правды путь, не шумной славы,
И неусыпный царскій трудъ!
Но за него Твои потомки
Скорѣй, чѣмъ за побѣды громки,
Тебѣ любовью воздадутъ...
Блаженъ народъ, гдѣ мирный плугъ
Не позабытъ безъ воздаянья,
Гдѣ, мимо всѣхъ, къ бѣдѣ страданья,
Къ обидѣ Царь склоняетъ слухъ!...
Будь благъ и милостивъ какъ Богъ!
Онъ Вѣчный не враждуетъ вѣчно!
Онъ милосердъ къ намъ безконечно,
Не безконечно въ гнѣвѣ строгъ...
  Но знаемъ мы: Ты кротокъ духомъ!
Давно полна Россія слухомъ
Небесной благости Твоей!
Какъ ей не знать сыновъ царей?
О комъ вели мы рѣчи прежде?
Не о Тебѣ-ль, своей надеждѣ?...

Другой поэтъ (И. Прокоповичъ, другъ Гоголя) обращается къ тѣни Пушкина, чтобы тотъ благословилъ его привѣтствовать новаго Государя, вдохновляется словами Пушкина: „Въ надеждѣ славы и добра, гляжу впередъ я безъ боязни“, и при этомъ восклицаетъ:

Зарань слышу я племень благословенья,
Молитвы теплыя, молитвы за Того,
Кто ангельской души нѣжнѣйшія движенья
Всѣ—благу посвятить народа Своего!

Не приводимъ множество другихъ пьесъ разсѣянныхъ по тогдашнимъ газетамъ, собрать которыя мы не имѣемъ возможности.

Въ день ангела Государя, старѣйшій изъ поэтовъ нашихъ, князь П. А. Вяземскій, давно и ближе многихъ другихъ знавшій Его, видитъ въ немъ «Утѣшеніе» и, обращаясь съ привѣтомъ къ Нему, говоритъ, что весь рядъ царей, съ Петромъ, Екатериной и царемъ Благословеннымъ,

Въ одну молитву всѣ сліявшись, въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на царство указали,
Благословивъ Тебя наслѣдникомъ своимъ...
Вѣрь и надѣйся, Царь! Твой подвигъ многотруденъ;
Но доблестной душѣ нѣтъ жатвы безъ трудовъ.
Народъ Твой весь съ Тобой; могущъ онъ, многолюденъ,—
И каждый за Тебя въ немъ умеретъ готовъ.

Что бы ни было далѣе въ судьбахъ Россіи, въ ту тяжкую и тревожную пору, —

Тебѣ весь пламень душъ! Тебѣ вся наша кровь!
На мирные труды, на подвигъ ратной славы
Сподвижникъ Твой и стражъ—народная любовь!

Первые мѣсяцы царствованія внушили Хомякову слѣдующія мысли, въ письмахъ его къ Гильфердингу; вспоминая о почившемъ государѣ и его крѣпкой волѣ, Хомяковъ говоритъ: «Дай Богъ такой же доброй воли и яснаго пониманія молодому Государю! Особенно дай Богу Ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозриваетъ всякое умственное движеніе! Мы дошли

до великихъ бѣдъ и срама по милости одного—умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми. Здѣсь всѣ радуются проявленію стремленія къ народному и русскому... Теперь говорю всѣмъ одно: трудъ, трудъ и трудъ, чтобы не пострамить себя и не подвергнуться великой отвѣтственности... Дай Богъ мира!... Замѣтна перемѣна къ лучшему противъ прежнихъ нотъ, и общественное мнѣніе приписываетъ это Государю».

Будущій историкъ царствованія несомнѣнно остановится на тогдашнихъ Высочайшихъ манифестахъ, въ которыхъ благоволеніе Монарха облекалось въ неслыханныя дотолѣ выраженія человѣческаго сердца.

Прошло полгода царствованія. Война длилась: союзники дожидались и домогались уступчивости Государя. Защита Севастополя и отбитіе двухъ штурмовъ разогрѣли всѣ сердца; «головы русскія приподнялись законною гордостью»—говоритъ Хомяковъ; а князь Вяземскій выражаетъ общую патріотическую радость, что «новый Царь не пожелалъ снизойти на уступки и удовлетворенія требованіямъ западныхъ державъ, что Онъ это сдѣлалъ по убѣжденію Самодержца, которое принялъ вмѣстѣ съ правами и обязанностями своими, вмѣстѣ съ отвѣтственностію предъ Богомъ и отечествомъ, предъ потомствомъ, предъ Сыномъ Своимъ, которому также Онъ долженъ нѣкогда сдать чистымъ и честнымъ Свое великое и священное достояніе.

Севастополь палъ послѣ геройской защиты 27-го августа; а въ первыхъ числахъ сентября Государь уже ѣдетъ въ Крымъ, къ своей арміи. Значеніе Его поѣздки въ то тяжелое время очертилъ М. Дмитріевъ: «Лети, Орелъ!»... И неожиданный страною, взвился надъ ратью: Ура! гремитъ въ ея полкахъ!

Ура! единымъ появленьемъ
Ты рать Свою одушевилъ!
Прекрасенъ самоотверженьемъ
Явился Ты средь бранныхъ силъ...
Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы,
И язвы ихъ за честь державы
Щѣнилъ отеческой слезой,
И храбрыхъ крестъ, награду боя,
Съ своей груди на грудь героя
Надѣлъ державною рукой!

Паденіе Севастополя было какъ бы очистительной жертвой, послѣ которой началось внутреннее обновленіе Россіи. Лучшіе люди думали, что намъ надо бороться не столько съ врагами внѣшними, сколько со внутренними. Необходимость такой борьбы одинъ изъ первыхъ высказалъ Бенедиктовъ въ своемъ стихотвореніи: «Къ Россіи»; очертивъ важнѣйшіе моменты ея исторіи, признавая всегдашнюю готовность ея на всѣ жертвы, поэтъ въ то же время указываетъ, каково должно быть теперь наше дѣло, наши отношенія къ отечеству и царю:

И крѣпкіе въ любви благоговѣйной
Мы предъ Царемъ сомкнемся въ кругъ семейной,
И всякъ сознай, и всякъ изъ насъ почуй
Свой честный долгъ! Царя сыны и слуги—
Ему свои откроемъ мы недуги
И скажемъ: вотъ! Родимый нашъ! Врачуй!
И кто изъ насъ или нечестный воинъ,
Иль гражданинъ, но не закона стражъ,
Мы скажемъ: Царь! онъ Руси не достоинъ,
Изринь его изъ круга: онъ не нашъ!

При такомъ ходѣ дѣлъ, поэтъ глубоко вѣритъ въ блестящую судьбу родины, гдѣ явятся—на диво міру—люди, и вѣнцомъ своихъ желаній ставитъ:

И скажетъ Царь: откройся свѣтъ во мглѣ,
И мысли будь широкая дорога,
Затѣмъ, что мысль есть проявленье Бога
И лучшая часть неба на землѣ.
Мы на Тебя глядимъ, о Царь,—и тягость
Съ унылыхъ душъ снимаетъ этотъ взглядъ:
Надъ Русью Ты—увѣнчанная благость,
И за Тебя погибнуть каждый радъ.

Такою вѣрою, что благость Царя явится источникомъ новой благодѣтельной жизни, полна была вся русская земля, и ея упованія оправдались: царскія милости полились на русское слово и науку: разрѣшено безграничное поступленіе въ университеты; снята была опала съ славянофиловъ; появились новые журналы (въ 1856 г.—«Русскій Вѣстникъ», «Русская Бесѣда»); журналамъ дано право вести политическое обозрѣніе, дозволено было печатать многое, о чемъ прежде не смѣли и думать (въ 1853 г. былъ, напримѣръ, строжайше запрещенъ романъ „Хижина дяди Тома“); появились на свѣтъ божій труды, давно уже приготовленные, такъ, въ 1856 г. напечатано было впервые сочиненіе Арсеньева «Царствованіе Екатерины I-й», написанное еще въ 1839 г., но въ ту пору даже Арсеньевъ, наставникъ Государя, не имѣлъ возможности издать его въ свѣтъ. Въ 1856 г. былъ закрытъ высшій цензурный комитетъ, извѣстный подъ именемъ «Комитета 2-го апрѣля 1848 г.», главнѣйшею обязанностію котораго было слѣдить за всѣми недосмотрами обыкновенной цензуры. Явились «Губернскіе Очерки», Н. Щедрина и цѣлый рядъ произведеній въ томъ же духѣ. Тѣмъ же характеромъ честнаго, свободнаго раскрытія общественныхъ недостатковъ отличался и первый отчетъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго. По указаніямъ министра его написалъ человѣкъ, хорошо знающій Россію, литераторъ П. П. Ме-

льниковъ. Въ краткихъ и сильныхъ выраженіяхъ Мельниковъ представилъ вѣрную картину внутренняго положенія Россіи. И на возвращенномъ въ министерство отчетѣ Государь благодарилъ министра «за откровенное изложеніе недостатковъ» во внутреннихъ дѣлахъ Россіи, и изволилъ выразить надежду, что съ помощію Божіею и при общемъ усердіи эти недостатки будутъ устранены. На поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній Государя и высочайшихъ повелѣній: въ нихъ заключались зачатки тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыми Государь вскорѣ потомъ осчастливилъ народъ свой.

Заключеніе мира, 18-го марта 1856 г. хотя не соотвѣтствовало общимъ ожиданіямъ и понесеннымъ Россіею жертвамъ, было однако встрѣчено какъ знаменіе во благо. Непріятное впечатлѣніе отъ невыгоднаго мира надѣялись исправить расширеніемъ предѣловъ нашей умственной жизни. Именно на этомъ мнѣніи стоялъ самъ Государь. Немногіе совѣтовали заупрямиться въ войнѣ. Изъ поэтовъ—всѣхъ чаще и жарче писалъ о несомнѣнныхъ благахъ мирнаго развитія Бенедиктовъ. Въ своемъ стихотвореніи «Война и Миръ», ярко очертивъ всѣ ужасы и бѣдствія войны, онъ радостно и благодарно восклицалъ:

«Слава, Всевышній, Тебѣ: есть цари миротворцы!»

Но самаго по себѣ мира мало поэту-гражданину. Тогда же ко всѣмъ согражданамъ онъ обращается съ энергическою рѣчью:

„Царь, призывая васъ къ мольбѣ
За этотъ миръ, любви словами,
Зоветъ васъ къ внутренней борьбѣ
Со зломъ, съ домашними врагами.
Въ словахъ тѣхъ шлетъ Онъ Божью вѣсть—
Не пророните въ нихъ ни звука!

Слова тѣ: вѣра, доблесть, честь,
Законы, милость и наука.
Всѣмъ будетъ дѣло. Превозмочь
Должны мы лѣнь средь дѣлъ бумажныхъ
Возросшую. Хищенье—прочь!
Исчезни племя душъ продажныхъ!
Всякъ трудъ свой въ благо обращай!
Имущій силу дѣлать—дѣлай!
Гремп глаголомъ правды смѣлой...
Возстань и ты къ святой борьбѣ,
Витія мощный и писатель!
Возстань,—не духа злобы полпъ.
Возстань не буйнымъ демагогомъ,
Не лютымъ двигателемъ волпъ,
Влекущимъ къ гибельнымъ тревогамъ:
Нѣтъ! гласомъ добрымъ воззови,
И зовъ твой, гдѣ бы ни прошелъ опъ,
Пусть духомъ мира и любви
И въ самомъ громѣ будетъ полонъ!

Затѣмъ поэтъ рисуетъ общественные недостатки: ихъ было много, правда, но въ своемъ усердіи обличители едва ли не преувеличивали ихъ еще больше.

Но есть для васъ, сыны грѣха,
Но есть для васъ, земли кумиры,
И громъ и молнія стиха,
И бичъ карающей сатиры...
Гласъ Божій, мнится, къ намъ воззвалъ
И указуетъ перстъ судьбины,
Да встанетъ новый Ювепалъ
И сдернетъ гнусныя личины! *).

---

*) Стих. Бенедиктова. III. 230—235.

III.

Полтора года Государь медлилъ принять вѣнецъ Свой, продолжая защищать и умиротворять Свое царство. И вѣроятно, что эту промежуточную эпоху имѣлъ въ виду Я. П. Полонскій въ своемъ стихотвореніи «На кораблѣ»:

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Тѣ-жъ волны бурныя, что съ вечера плескали,
Не закачавъ, еще качаютъ насъ...
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!—
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;
Нашъ капитанъ въ потьмахъ стоитъ, раздумья полнъ...
Заря!... друзья! заря! Глядите, какъ яснѣетъ—
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы напимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь—
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ...
Господь, благослови грядущій день!...

26-го августа совершилось, наконецъ, священное коронованіе. Это былъ день радостей, день милостей неслыханныхъ дотолѣ. Онъ оставилъ такое свѣтлое, яркое впечатлѣніе, что спустя цѣлый годъ вотъ какъ поэтически вспоминалъ о немъ маститый митроп. Филаретъ, подносившій Государю корону, скипетръ и державу: «Возвратись, незабвенный день. Приблизься къ нашему зрѣнію. Тогда мы смотрѣли на тебя наболѣе окомъ радующагося сердца. Теперь намъ досужнѣе посмотрѣть на тебя и окомъ размышляющаго ума... Найдется ли довольно сильное слово, которое изобразило бы тогдашній всеобщій восторгъ?—И пусть не найдется. Это не найденное слово вамъ и слышимо, и понятно». И

вспоминая день тотъ, владыка особенно останавливается на лицахъ Государя и Государыни: «Какъ смиреннымъ являлось Ихъ величіе предъ лицемъ Царя Царствующихъ, и вмѣстѣ—какъ величественнымъ Ихъ смиреніе! Какое благоговѣніе предъ святынею! Какое одушевленіе молитвы! Какое небесное безмолвіе въ церкви, когда вѣнчанный Царь одинъ преклонилъ колѣна, и горящая молитва о благословеніи свыше на Него и на царство Его проніявала изъ Его сердца и очей, и устъ, и тихо воспламеняла всѣ сердца»...

Весь ходъ богослуженія при этомъ торжествѣ описалъ Муравьевъ въ своей брошюрѣ «Воспоминанія священнаго коронованія». Бойкій карандашъ художника Тимма увѣковѣчилъ важнѣйшіе моменты коронованія и предшествовавшія ему и послѣдовавшія событія—пріѣздъ Государя въ Петровскій дворецъ, торжественный въѣздъ въ Москву, пребываніе въ Москвѣ. Нѣсколько раньше, М. И. Глинка написалъ на оркестръ торжественный польскій, посвященный Государю Императору ко дню коронаціи, и Государь приказалъ, чтобъ польскій былъ исполненъ на балахъ, начиная съ того, который будетъ данъ въ Грановитой палатѣ. Наконецъ, цѣлый рядъ поэтическихъ голосовъ раздался въ честь горячо любимаго Царя.

О, Царь нашъ, сынъ Москвы желанный,
Рожденный въ царственномъ Кремлѣ,
Любовью нашей увѣнчанный
Еще до власти на землѣ!
Къ Тебѣ всегда сердца стремились,
Всегда надежды возносились
Съ молитвой пламенныхъ сердецъ!
Внемли любви народной клики!
Но долгъ царя—есть долгъ великій;
Велико знаменье—вѣнецъ!...
Сей скипетръ—что пастырь Ты народа,
Съ которымъ самая природа

Связала племени родствомъ;
Сей тронъ—что Ты стоишь высоко,
Да видитъ все Царево око,
И различаетъ зло съ добромъ!
Высокъ Твой тронъ—по есть ступени:
Да будетъ доступъ до Царя!
Да вѣрныхъ подданныхъ моленій,
Какъ звукъ докучливый презря,
Ты не отвергнешь на престолѣ;
Да слухъ, въ Своей высокой долѣ,
Склонишь на ихъ мольбы и стонъ...
О, добрый Царь нашъ! вѣрь народу!
Монарховъ искренно любя,
За нимъ готовъ онъ въ огнь и въ воду,
Готовъ на все и за Тебя!
Прочь зло, навѣтъ и подозрѣнье!
Какое можетъ быть сомнѣнье
Между Отцемъ ихъ и дѣтей!
Пусть доступъ всѣмъ Отецъ откроетъ:
Никто Ему—ни зла не скроетъ,
Ни лучшихъ къ истинѣ путей!...
Монархъ! довѣренность къ народу!
Велика силою она!
Онъ жизнь отдастъ Царю въ угоду;
А кровь славянская—вѣрна...
Онъ тотъ же нашъ народъ смиренный,
Но твердый вѣрою отцовъ,
Который, ею вдохновенный,
Возсталъ съ Пожарскимъ на враговъ;
Который нѣкогда корону,
И царству предавъ и закону,
На Михаила возложилъ!
Внимай вѣковъ минувшихъ клики!
Онъ домъ Романовыхъ великій
На царскомъ тронѣ утвердилъ!...
Въ бою—онъ шагу не уступитъ
Врагамъ святой земли Твоей!
Цѣною ранъ и смерти купитъ
Онъ славу родины своей!
Да процвѣтутъ Твои народы
Да низведетъ довольства годы
Съ Тобою миръ, сей даръ небес[illegible]!

Въ дни бѣдъ отецъ Тебя оставилъ,
Затѣмъ, чтобъ Ты Себя прославилъ,
Чтобъ выше Русь Свою вознесъ! *)

Хомяковъ, говоря о всенародныхъ молитвахъ въ тотъ день о Царѣ вѣнчанномъ, весь полонъ ясной вѣры въ будущее, въ милость Божію:

Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго царя...
И дастъ Всевышній даръ познанья
И ясность мыслящимъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.
И вѣрнмъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,
Даръ братолюбья къ братьямъ людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ;
И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины...

—

А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

Истинно-поэтическія движенія встрѣчаемъ въ тогдашнихъ стихахъ и такихъ людей, которые скудно одарены творческой фантазіей; искренность чувства замѣнила имъ силу созданія; прочтите, напримѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ оды Шевырева на коронованіе:

Съ тѣхъ поръ, какъ Ты открылъ на солнце вѣжды,
Народъ Твоей причастенъ сталъ судьбѣ;
Отечество прекрасныя надежды
Лелѣяло въ грядущемъ на Тебѣ

*) Стихотв. М. Дмитріева, М. 1865, ч. II. стр. 28—34.

Москва, Тебя привѣтствуя младенцемъ,
Въ Тебѣ судебъ угадывала цѣль;
Ты звалъ Себя московскимъ уроженцемъ,
Ты жаловалъ родную колыбель,
И на Твои сердечные привѣты
Она Тебѣ несла любви обѣты...

—

Вотъ на Тебѣ, какъ солнышко родное,
Горитъ красой и славою вѣнецъ!
Да свѣтъ его плодитъ въ умахъ живое,
Огнемъ любви кровия союзъ сердецъ;
Да возраститъ наукъ златое сѣмя,
Дастъ правдѣ жизнь и путь, труду почетъ;
Да окрылитъ успѣхомъ быстрымъ время,
И въ хижины смиренныя блеснетъ,
Посвѣтитъ тамъ страданію усладой,
Всѣхъ озаритъ надеждой и отрадой!

И, приглашая затѣмъ всѣ званія и сословія «летѣть Державному въ подмогу», поэтъ обращается къ дѣятелямъ литературы:

Жрецы наукъ, жрецы родного слова!
Сюда плоды возвышенныхъ трудовъ,
Дары ума и генія роднова,
Слова на вѣсъ—и менѣй праздныхъ словъ!..

Ѳ. Б. Миллеръ въ своихъ стихахъ на тотъ же день останавливается особенно на мысли о тягости царскаго вѣнца, о необходимости надежныхъ и неподкупныхъ сотрудниковъ Государю, о долгѣ каждаго изъ насъ:

Господь на трудъ державнаго служенья,
На тяжкій трудъ, Избранника призвалъ.
Сольемъ же всѣ о Немъ свои моленья,
Чтобъ Онъ Ему и силы даровалъ!
Свершивъ свой трудъ, мы весело, безпечно,
Подъ кровъ родной вкусить покой идемъ;
Ему же нѣтъ его въ заботѣ вѣчной...
Помолимся, помолимся о Немъ!

Да будетъ съ Нимъ небесъ благословенье,
Благій успѣхъ во всѣхъ Его дѣлахъ;
Да сохранится вѣкъ Его правленья,
Какъ памятникъ прекраснаго въ вѣкахъ!
И да найдетъ надежныхъ, неподкупныхъ
Онъ слугъ Себѣ межъ подданныхъ Своихъ,
Чтобъ замысловъ коварныхъ и преступныхъ
Была чужда душа прямая ихъ!..
Сограждане! дадимъ обѣтъ священный—
Ему служить, какъ чести долгъ велитъ,
Идти стезею правды неизмѣнной:
Нашъ трудъ Его заботы облегчитъ.

Всѣ эти пьесы, можно думать, были написаны заблаговременно на день короноваиія, подъ вліяніемъ первыхъ дѣйствій Государя и добрыхъ надеждъ; но вотъ послышался Высочайшій манифестъ 26 августа 1856 года, превзошедшій всѣ надежды. Рядъ милостей, излившихся въ немъ, былъ встрѣченъ съ какимъ-то трепещущимъ одушевленіемъ. Шестьдесятъ москвичей, преимущественно писателей, согласились отпраздновать эту великую радость вмѣстѣ и собрались 3 сентября на дружескій обѣдъ. Здѣсь П. Ф. Павловъ явился прямымъ выразителемъ чувствъ, наполнявшихъ тогда все наше отечество, а особенно пишущую братію. Преобразованія и милости Государя они считали выше всякаго грома оружія и побѣдныхъ кликовъ; по словамъ Павлова, «это подвиги болѣе согласные съ требованіемъ вѣка; у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа; въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самимъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніемъ сердца, но радостна жизнь если не разберешь, что велитъ долгъ и что внушаетъ

любовь. Скажите, разобрали ли вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабываемыхъ словахъ: отмѣнить, простить, возвратить. И какъ счастливы были вы, зная, что ужь этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ!.. Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій, этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ».

И не было болѣе чистаго, радостнаго, трогательнаго тоста, какъ возглашенный тогда Павловымъ тостъ: «во здравіе Государя, Кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ Его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи».

Мы привели сущность этой рѣчи, но прочтите ее сами всю: она полна истинной поэзіи сердечной, полна правды, внушенной милостями Царя.

День коронованія праздновали еще московскіе профессора, въ особомъ собраніи университета, гдѣ важнѣйшимъ предметомъ рѣчей было милосердіе.

Не пересказать и даже не перечислить всѣхъ радостныхъ выраженій благодарности, которыми звучала тогда, изъ конца въ конецъ, вся Россія, выслушавшая благовѣстіе Высочайшаго манифеста 26 августа. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ поэтическихъ отголоскахъ въ честь царскаго слова.

Въ своей пьесѣ «Москва. Августъ 1856 года», кн. Вяземскій обращается съ своимъ словомъ къ Государынѣ и, какъ бы на память Ей, очерчиваетъ всю обста-

новку дня коронаціи—парядную Москву, ликующій народъ, блестящій Кремль.

Въ цвѣтахъ и подъ парчей, подъ праздничной одеждой,
Какъ русскихъ городовъ царица хороша!
И вся молитвою, любовью и надеждой
Ея проникнута душа...
Москва одна семья на радости семейной,
И вся святая Русь въ Москвѣ
Заочно празднуетъ, мечтой благоговѣйной.
Въ ея великомъ торжествѣ...
Всѣ Гостя ждутъ. Москва несетъ заздравный хлѣбъ...
...И вотъ Онъ, гость родной, желанный, непаглядный!
Къ Нему всѣ очи, души всѣ!
И кротости Его привѣтъ, сердцамъ отрадный,
Сіяетъ въ царственной красѣ...

Но поэта болѣе всего умиляетъ царское слово въ этотъ день:

Царь словомъ милости, какъ Божьей благодатью,
Украсилъ царства первый день:
Онъ братьямъ возвратилъ отторженную братью,
Съ семействъ разсѣялъ скорби тѣнь.
Онъ почву русскую росою благодатной
Своей щедроты освѣжилъ;
Народу роздыхъ далъ, а по тревогѣ ратной,
Въ миръ вѣрить села научилъ.
Прощенье! Божій лучъ сіяньемъ свѣтозарнымъ
Владыкъ объемлющій вѣнецъ,
Тебя предастъ, въ вѣка, скрижалямъ благодарнымъ
Народной памяти рѣзецъ.

Въ виду такой благости Царя, поэтъ призываетъ согражданъ быть достойными ея:

И каждый, сколь дано ему на часть и въ силу,
Царю въ трудѣ споспѣшникъ будь,
Да Кормчій, Промысломъ приставленный къ кормилу,
Онъ кораблю дастъ стройный путь.

Въ заключеніе поэтъ изображаетъ Императрицу, старается угадать Ея впечатлѣнія тогдашнія, говоритъ о ея любви ко всему русскому—церкви, землѣ, исторіи, страдальцамъ,спротамъ, и останавливаетъ наше вниманіе слѣдующей свѣтлой чертой:

Не милостью одной и царскою щедротой
Даришь—и пѣснь пѣвца и строгой мысли трудъ,
Ты имъ сочувствуешь, Ты нѣжною заботой
Ихъ ободряешь: имъ Твой благосклонный судъ,
Въ которомъ умъ съ душой, вкусъ съ мыслью нераздучны,
Твой судъ для нихъ вѣнецъ, Твое вниманье—щитъ.

Подобное впечатлѣніе мы встрѣтимъ впослѣдствіи и у другого поэта—графа А. К. Толстого. Наши писатели, близкіе ко двору, умѣли сохранять нравственную твердость и чистоту въ своемъ словѣ къ лицамъ царскаго дома. Благородные примѣры Карамзина, Жуковскаго всегда жили въ памяти Вяземскаго, Плетнева, Тютчева, графа Толстого и другимъ.

Тогда же Шевыревъ привѣтствуетъ Царское слово какъ «силу родную русской земли» и такъ развиваетъ свою радость отъ него:

Прощенья вѣсть! лети къ предѣламъ дальнимъ
Во всѣ концы земли моей родной!
Неси елей сердцамъ давно печальнымъ,
Скорбь старыхъ ранъ забвеніемъ покрой.
Воскресни родъ—и связь его живая
Вновь укрѣпи семейное родство,
И обнимай, Царя благословляя,
Отецъ дѣтей, дѣдъ внука своего!
Забыто все, любовь вамъ все простила;
Нѣтъ имени тому, что прощено:
Въ любви одной живетъ прощенья сила,
Въ одной любви прощеніе полно!

Блаженъ народъ, когда самъ Богъ влагаетъ
Свою любовь въ духъ кроткаго Царя,
И Царь людей улыбкой озаряетъ,
Какъ солнца лучъ—и земли, и моря!

Некрасовъ переносится мыслью въ отдаленную Сибирь и отъ лица бывшихъ тамъ «Несчастныхъ» говоритъ:

Насталъ святой, великій мигъ.
Въ скрижаляхъ царства незабвенной,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣсть достигъ.
Взрыдавъ душою умиленной,
Мы пали ницъ, благодаря
Насъ незабывшаго Царя.

Милости царскаго вѣнца послужили темой еще для многихъ и многихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ тогдашнихъ газетахъ; въ нихъ выражались чувства мужчинъ, женщинъ и учащихся дѣтей.

Государь возвращается въ Петербургъ. Здѣсь Бенедиктовъ, народною рѣчью, выражаетъ чувства народа обрадованнаго и благодарнаго, и является ходатаемъ за него предъ Отцомъ-Государемъ. Передавъ смыслъ царскаго манифеста, поэтъ говоритъ:

И народъ, утѣшенъ словомъ благотворнымъ,
О сырую землю бьетъ челомъ покорнымъ,
И рѣчей заморскихъ тонкаго изгиба
Чуждый, восклицаетъ: Батюшка! Спасибо!
Чувствуемъ;—лобзаемъ царственную руку.
Ты, вступивъ на царство, оживилъ науку,
И теперь, исполненъ отческой заботы,
Всѣмъ даруешь ласки, милости и льготы:
Батюшка, спасибо!—Дай-то Богъ, чтобъ зрѣло,
Шло и развивалось остальное дѣло!..
Выслушай порою съ благостію кроткой
Искреннее слово мужичка съ бородкой!

Пусть, Отецъ нашъ, тѣмъ, кто къ Тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!..
Ты-бъ насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ-жь, Родимый, одному все видѣть?..
Дай Тебѣ Всевышній провозрѣній быстрыхъ,
Счастія въ народѣ, радости въ министрахъ...
Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
Мыслятъ о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требахъ!
Пусть не тунеядцы у Тебя на хлѣбахъ
Плаваютъ въ довольствѣ!—Всѣ мы молимъ Бога:
Будь Тебѣ въ работѣ царственной подмога!

Тогда возвратились изъ Сибири писатели Батенковъ, Завалишинъ, изъ-заграницы—Н. И. Тургеневъ. Батенкову (у котораго былъ нѣкогда захваченъ ломбардный билетъ) Государь повелѣлъ возвратить утраченный имъ капиталъ, съ наросшими въ теченіи 30 лѣтъ процентами. Н. И. Тургеневъ былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ, какъ вполнѣ оправданный,—ему возвращены были прежній его чинъ—д. с. с.,—вмѣстѣ съ знаками отличія.

Оканчивается 1856 годъ, и русская литература провожаетъ его единодушнымъ благодарнымъ чувствомъ, преимущественно за то, что въ теченіи его

Съ многихъ лицъ унылость
Давняя сошла:
Царственная милость
Падшихъ подняла.

И не одно семейство, не одна сотня дѣтей со слезами радости видѣли, какъ поднималася—

Въ домѣ тревога большая:
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Мечутся мама съ отцемъ...

Всѣ, ужь давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословилъ онъ, рыдая,
Домъ и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ Распятаго Бога,
И, покрестившись, сказалъ:
„Днесь я со всѣмъ примирялся,
Что потерпѣлъ на вѣку!“
Сынъ предъ отцемъ преклонился,
Ноги омылъ старику *).

Съ возвращеніемъ прежнихъ силъ, прибавилось больше бодрости и въ тѣхъ, кто встрѣчалъ ихъ. Подъ сѣнью царской благости, оперились мысль и слово:

Кое-что сказалось
Съ разныхъ уголковъ;
Много завязалось
Новыхъ узелковъ.
Въ ходъ пошли вопросы,
А отвѣты имъ
Кривы или косы—
Мы ихъ распрямимъ.
Добрыхъ дѣйствій сѣмя
Сѣетъ добрый Царь;
Кипятится время,
Что дремало встарь **)

Благодѣянія мира и зрѣющихъ одно за другимъ преобразованій порадовали и пѣвца народной печали—Некрасова; возвращаясь изъ-заграницы, онъ благословляетъ «Тишину» земли родной; онъ видитъ:

---

*) Стихотв. Некрасова. Спб. 1879, II, 286—287.
**) Новыя стихотворенія Бенедиктова. Спб., 1857, стр. 5—10.

Война молчитъ и жертвъ не проситъ,
Народъ, стекаясь къ алтарю,
Хвалу Всевышнему возноситъ
И благодушному Царю.
Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она...
Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина,
Но сердце вѣщее ликуетъ
И умиляется до дна.

Поэтъ вспоминаетъ, какою ему представлялась въ эту пору родина подъ чужимъ небомъ:

Тиха, какъ сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно
Ты вся работаешь съ-плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворитъ твоихъ дѣтей;
Въ права вступаетъ просвѣщенье,
Уходитъ мракъ... кругомъ свѣтлѣй,
И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни Великаго Петра.
Да сбудется!..

И поэтъ желаетъ, да доведетъ свой трудъ до цѣли каждый изъ насъ—и пахарь, и поэтъ, и воинъ, и мореплаватель, и Тотъ

Заступникъ и глава народный,
Предъ Коимъ частные труды—
Какъ мелководные пруды
Передъ Невою многоводной *)!

*) „Совр.“ 1857, № 9, стр. 115—122.

При мысли о «Главѣ народномъ», при взглядѣ на Его портретъ, Бенедиктовъ вспоминаетъ, что этотъ ликъ теперь съ особенной любовью встрѣчается повсюду, и въ смиренной сельской хатѣ близь божницы укрѣпленъ,—

Мужичку многоутѣшный.
Трудовой копѣйкой взятъ,
Хоть малеванъ кистью грѣшной—
Онъ ему глубоко святъ.
Ты намъ дорогъ въ этихъ лицахъ;
Пуще-жъ любо намъ Твой ликъ
Видѣть въ книгахъ—на страницахъ,
Гдѣ живетъ родной языкъ,
Гдѣ возлюбленное слово,
Посвященное Тебѣ,
Чрезъ Тебя найдти готово
Силы новыя въ себѣ...
Царь! гдѣ слово просить крова—
Кровомъ царственной любви
Осѣни намъ наше слово
И звучать благослови!

Тогда же, передъ портретомъ Государыни, поэтъ обращается къ Ней съ зовущимъ словомъ:

Мать Ты семейству Царя и семейству народа:
Много въ послѣднемъ несчастныхъ и вдовъ, и сиротъ,
Много просящихъ призора, и крова, и хлѣба...
Слезы любви да украсятъ твой свѣтлый вѣнецъ!

Все это отголоски столичныхъ дѣятелей, и вся внутренняя Россія наполнялась и жила ими. Изъ провинціальныхъ впечатлѣній мы не знаемъ ни одного заявленія печатнаго. Въ провинціяхъ тогда съ особеннымъ удовольствіемъ и долго перечитывали вдохновенное слово преосвященнаго Иннокентія херсонскаго, вспоминавшее о торжествѣ коронованія. Вотъ нѣкоторыя изъ

него строки: «Мы удостоились быть при совершеніи священнѣйшаго коронованія августѣйшаго Монарха и Супруги Его, и молитвенно участвовать въ оном. Ахъ, братіе, что было видимо и слышимо тутъ,—послѣ того нѣтъ уже, мнѣ кажется, что можно бы видѣть и слышать болѣе величественнаго на этой землѣ, въ нашемъ мірѣ человѣческомъ; остается только уготовлять себя къ видѣнію и слышанію того, что превыше земли и людей... Взирая на Царя нашего, вѣнчанна и превознесенна, можно было съ увѣренностію обратиться не къ Россіи токмо, но ко всей вселенной съ словами Пѣсни Пѣсней: изыдите и видите царя нашего въ вѣнцѣ, имже вѣнча мати его — православная церковь всероссійская, въ день обрученія — съ народомъ своимъ, въ день веселія сердца его! Но особенно умилительны были въ семъ торжественномъ священнодѣйствіи три минуты: Первая, когда благочестивѣйшій Государь, приступая къ принятію вѣнца прародительскаго, въ слухъ всея церкви произнесъ св. символъ вѣры православныя... Вторая разительная минута—когда Монархъ, увѣнчанный уже и облеченный во всѣ утвари царскаго сана, преклонилъ, подобно послѣднему изъ подданныхъ Своихъ, колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и возгласилъ смиренную молитву о дарованіи Ему духа премудрости и разума, во еже судити людямъ своимъ въ правду, духа силы и крѣпости, во еже хранить, строить и возвышать благодеяствіе Боговѣряемой Ему державы всероссійской. — Третія, самая священная минута — когда Самодержецъ, по окончаніи литургіи, отложивъ знаки царскаго величія, въ единой порфирѣ приступилъ, подобно новокрещенному, къ помазанію св. міромъ, для пріятія даровъ Св. Духа, и вслѣдъ за тѣмъ—ко причащенію Божественныхъ тайнъ, для укрѣпленія Себя на

подвигъ царственный. Въ сіи минуты Онъ весь былъ благоговѣніе, весь — смиреніе христіанское, весь — страхъ Божій. По самому свойству служенія моего, много видѣлъ я всякаго рода причастниковъ св. таинъ, но никогда не зрѣлъ подобнаго умиленія въ причащающемся. Въ лицѣ Помазанника, казалось, соединялась священнотайнѣ съ Господомъ вся Россія. У многихъ изъ предстоящихъ потекли изъ очей слезы Отъ избытка чувствъ, я едва не забылъ, что мнѣ надлежало послужить, послѣ причащенія, омовенію устъ и рукъ державныхъ... Говорить ли за симъ предъ вами о радости и восторгѣ окружавшаго храмъ народа, когда Боговѣнчанный Помазанникъ, изшедъ изъ храма, какъ ангелъ Божій, явился предъ нимъ одѣянъ и преукрашенъ всѣми знаками сана державнаго? Отъ звука церковныхъ кампановъ въ Кремлѣ сотрясается—не воздухъ только, а самая земля, но и сей поражающій звукъ былъ не разъ заглушаемъ громомъ восклицаній народныхъ. Разсказывать ли вамъ о той благости, съ которою Боговѣнчанный Царь, во все продолженіе великаго торжества Своего, обращалъ лице Свое ко всѣмъ великимъ и малымъ, богатымъ и нищимъ? Каждый видѣлъ и чувствовалъ, что сердце Его готово было объять любовію всю Россію, доставить радость всему страждущему, изгнать навсегда съ лица земли русской всѣ печали и бѣдствія. Къ сказанному — развѣ присовокупить единое. На утріе дня вѣнчальнаго, когда все вокругъ престола гласило славу Боговѣнчаннаго, и вся Россія, въ лицѣ представителей своихъ, спѣшила съ привѣтствіями предъ лице своего Самодержца и Супруги Его,—пріемля оное въ ряду іерарховъ и отъ меня, яко пастыря страны сей, о чемъ, думаете вы, между прочимъ благоволилъ Онъ провѣщать мнѣ? О томъ, что это

былъ послѣдній день нашего южнаго Севастополя".

1857 годъ явился еще радостнѣе протекшаго года. Въ августѣ Хомяковъ писалъ Кошелеву: «Изъ Петербурга вѣсти весьма хороши: дай Богъ здоровья и успѣха Александру II». Хорошія вѣсти не замедлили оправдаться: 20 ноября 1857 г. послѣдовалъ первый рескриптъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, и вся русская литература съ громкой радостью отозвалась на этотъ благовѣстъ. Въ Москвѣ, 28 декабря, собралось 180 человѣкъ, преимущественно изъ числа ученыхъ и литераторовъ. Люди разныхъ мнѣній, которые, быть можетъ, во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, собрались вмѣстѣ, повинуясь одному, всѣмъ имъ общему чувству. Катковъ, Станкевичъ, Н. Павловъ, Погодинъ, Бабстъ, Кавелинъ, Кокоревъ, одинъ за другимъ, выражали значеніе радостнаго событія. Катковъ назвалъ то время одной изъ тѣхъ эпохъ, «когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ. Всѣ мы явились—говорилъ онъ — для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ Комъ наша родина обрѣла свое чаяніе». Въ рескриптѣ ораторъ видѣлъ «великій и могущественный залогъ той взаимной, незыблемой вѣры, которая соединяетъ у насъ царя и народъ». Рѣчь свою заключилъ ораторъ среди восторженнаго, оглушительнаго ура, сопровождавшаго первый тостъ: «Да почіетъ благословеніе Божіе на Царѣ нашемъ и на всѣхъ Его начинаніяхъ! Да царствуетъ Онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины! Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго, провозглашается тостъ за здравіе Государя Императора»! А. В. Станке-

вичъ выразилъ желаніе, чтобы Провидѣніе укрѣпило силы своего избранника на трудный и великій подвигъ, чтобы мудрые помощники облегчили Его трудъ, и чтобы Его великодушная мысль встрѣтила въ каждомъ русскомъ, на какой бы ступени общества ни стоялъ онъ, откровенную готовность осуществлять ее на дѣлѣ. И снова провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Того, Кто внушаетъ такія чувства и желанія Своими намѣреніями и дѣлами. П. Ф. Павловъ увлекательно произнесъ блестящую рѣчь... «Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало... Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи. Легче становится совѣсти христіанина, какъ-то благородней бьется сердце, и смѣлѣе смотрится на Божій міръ. Величіе, слава, прочность и благоденствіе Россіи зависятъ отъ того направленія, которое, по всѣмъ частямъ, указываетъ намъ Тотъ, Чье имя долженъ и можетъ произнесть съ гордостью каждый русскій. Всемогущая воля отклоняетъ отъ Себя начинаніе великаго дѣла и предоставляетъ инициативу дворянству. Измѣненіе нашихъ экономическихъ отношеній возбудитъ въ насъ самодѣятельность, отсутствіе которой есть одинъ изъ нашихъ главныхъ недостатковъ. Провозгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца многія лѣта и еще разъ поднимемъ бокалы во славу Тому, Кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра!» Погодинъ, происходившій изъ крестьянскаго сословія, провозгласилъ тостъ въ честь и благодарность достойнаго историческаго русскаго дворянства; между прочимъ сказалъ онъ: «Долгъ русской литературы содѣйствовать этому великому преобразованію, преобразованію любви и добра, соотвѣтственно великодушнымъ намѣреніямъ Государя, по примѣру нашихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Фонъ Визина, за 80 лѣтъ еще, чая-

ли и призывалй настоящую великую минуту».—Бабстъ сказалъ свое слово благодарности Тому, Чьи помыслы и Чья дѣятельность согласовались постоянно съ самыми задушевными и насущными потребностями народа, и за тѣмъ говорилъ о значеніи свободнаго труда, который открывается Россіи, и предложилъ тостъ за процвѣтаніе и успѣхъ его.—Кавелинъ, нарочно пріѣхавшій изъ Петербурга на этотъ московскій праздникъ, предался всею душою мысли — устроить его въ духѣ примиренія и соединенія всѣхъ литературныхъ партій; въ сильныхъ выраженіяхъ, говорилъ онъ о томъ, что нашъ долгъ и призваніе—приготовиться къ великому дѣлу достойнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что намъ предоставлено пріискать средпія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный неизмѣнпымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Ораторъ заключилъ рѣчь тостомъ во здравіе державнаго Миротворителя, Который, и въ дѣлахъ внѣшнихъ и въ устроепіи внутреппемъ, приноситъ дары и благословеніе мира на русскую землю! Наконецъ В. Кокоревъ (въ рѣчи не сказанной по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, но напечатанной тогда же) признавалъ дѣло освобожденія живительнымъ свѣтомъ, исходящимъ прямо изъ сердца Александра II. Царь уповаетъ на народъ, народъ уповаетъ на Царя. Въ этомъ взаимномъ упованіи и состоитъ русская особенность, рѣзкая разница между Европою и Россіею. На помощь трудному дѣлу ораторъ призывалъ свѣтозарную гласность мнѣній, широковѣщательное печатное слово и наконецъ участіе всѣхъ сословій на самомъ дѣлѣ; онъ предлагалъ открыть между всѣми русскими купцами подписку въ томъ,

кто и за сколько крестьянскихъ жилищъ заявитъ желаніе заплатить деньги помѣщикамъ. Объ этой мысли, объ этой рѣчи Кокорева редакторъ «Русскаго Вѣстника» замѣтилъ, что это не просто рѣчь, а поступокъ, который пусть оцѣнитъ Россія.

IV.

Не однимъ летучимъ словомъ, но и постояннымъ, крѣпкимъ дѣломъ откликнулись русскіе писатели на царскій голосъ. Боимся, что далеко не назовемъ всѣхъ потрудившихся честно. Самаринъ и кн. Черкасскій нѣсколько лѣтъ принимали живѣйшее участіе въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу. Хомяковъ, еще въ 1842 г. писавшій о сельскихъ условіяхъ, теперь всею душою предался разъясненію въ бесѣдахъ начатаго дѣла, слѣдилъ съ неослабнымъ участіемъ за ходомъ его повсюду, написалъ обширное и сильное письмо къ Ростовцеву о неудобствахъ переходнаго состоянія и необходимости одновременнаго выкупа. Кошелевъ основалъ спеціальный журналъ—«Сельское Благоустройство», лишь бы дать болѣе простора обмѣну мыслей о вопросѣ, въ рѣшеніи котораго не сходились, въ нѣкоторыхъ сторонахъ, и умные люди. Журналы «Отеч. Записки» и «Современникъ» завели особые отдѣлы по освобожденію крестьянъ, и въ нихъ приняли участіе многіе провинціальные дѣятели. Графъ Л. Н. Толстой сталъ издавать журналъ для народнаго обученія «Ясная Поляна» и заводилъ въ своемъ имѣніи школу за школой. Щербина подготовлялъ сборникъ для народнаго чтенія, принятый впослѣдствіи съ живѣйшимъ одобреніемъ. Каждый изъ

этихъ и многихъ другихъ честныхъ подвижниковъ могъ сказать о себѣ словами поэта:

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего! *)

Партія славянофиловъ принесла въ этомъ дѣлѣ наибольшую долю труда, любви и поэтическаго слова. Стихи И. С. Аксакова, еще до появленія своего въ печати, разносились въ тысячахъ списковъ по всей Россіи, наполняя многихъ особенною бодростію и высокою радостію. Вспомнимъ здѣсь нѣкоторыя строфы:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,—
И не помнится о злѣ....
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ!

Съ накипѣвшимъ словомъ сочувствія обращается къ

*) Стихотв. Хомякова. М. 1861, стр. 136.

народу Плещеевъ: «Трудились, бѣдные, вы, отдыху не зная, но не роптали и молились», и Тотъ,

Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ Избавителя вѣчаннаго послалъ.
И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье.
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ! *)

И поэтъ видитъ уже, какъ передъ ветхою избенкой сѣдой дѣдъ, лаская внука, говоритъ ему, что онъ утѣшенъ Богомъ подъ старость:

Мнѣ Онъ радость ниспославъ:
Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ;
Доля ждетъ тебя не наша:
Будешь вольный человѣкъ!

Дѣло освобожденія встрѣчало явныхъ и тайныхъ противниковъ; но люди, призванные къ прямому участію въ немъ, вели его неуклонно, и строгую правду говорилъ о нихъ Аксаковъ:

А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ же пылъ песни къ трудамъ...
Мужайтесь! силъ добудутъ вамъ
Благословенья меньшихъ братій!

Писатели, какъ нѣкогда Пушкинъ, глядѣли впередъ безъ боязни, въ надеждѣ славы и добра. «Пусть бой идетъ со зломъ и тьмой, съ неправдой черной»—

Не страшенъ намъ и новый врагъ—
И съ нимъ отчизна совладаетъ...

*) Стихотв. М. Плещеева, 118, стр. 151.

Смотрите: ужь рѣдѣетъ мракъ,
Ужь свѣтъ повсюду проникаетъ,
И, содрогаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Неизвѣстный поэтъ, рисуя картину жатвы, гдѣ матери часто отрываются отъ работы, чтобъ покормить плачущихъ дѣтей, говоритъ имъ успокоительно:

Не плачьте горько такъ, невинные младенцы,
Юнѣйшіе земли родимой поселенцы!
Надъ вашей младостью не дремлетъ ночи тѣнь,
Вамъ брежжетъ вольный свѣтъ, вамъ всходитъ новый день.

Пока развивалось и совершалось дѣло освобожденія. Государь неизмѣнно являлъ Свое вниманіе къ замѣчательнымъ явленіямъ въ мірѣ литературы и искусства. Такъ въ 1858 году, Государь пріобрѣлъ за 50 тысячъ рублей картину Иванова «Явленіе Христа Спасителя народу» и пожаловалъ ее московскому румянцовскому музею. Въ томъ же году археологъ и путешественникъ И. И. Севастьяновъ привозитъ въ Петербургъ огромное собраніе своихъ научно-художественныхъ работъ на Аонѣ и встрѣчаетъ могучую поддержку своему дѣлу въ лицѣ Государя, поддержку тѣмъ болѣе дорогую, что нѣкоторыми дѣло его было встрѣчено холодно и непріязненно. Тогда же князь Вяземскій свидѣтельствуетъ намъ о царственномъ вниманіи къ произведеніямъ поэта:

Въ холодной пустотѣ разсѣяннаго свѣта
Есть слухъ внимательный къ нѣвучнымъ снамъ поэта,
Есть чувство теплое, которому сродни
Все, что душа хранитъ и бережетъ въ тѣни;
Неоцѣненная привычкой и пристрастьемъ,
Есть мысль согрѣтая любовью и участьемъ,
Мысль воспріимчиво доступная всему,
Что сердцу вѣсть даетъ и говоритъ уму.

Есть свѣтлый уголокъ, высокій и пріютный,
Куда, какъ къ пристани, почуя вѣтръ попутный,
Стремятся отъ тревогъ житейской суеты
Безчувственной толпой затертыя мечты;
Когда въ душѣ темно и жизнь себѣ не рада,
Вдали, на высотѣ, имъ свѣтится лампада,
Лучъ примирительный таинственной звѣзды—
И жизнь идетъ бодрѣй на новые труды!

Въ ту же пору подготовленія свободы, графъ А. К. Толстой говоритъ словами Іоанна Дамаскина къ правителю: «Дозволь дышать и пѣть на волѣ!» И сказаніемъ, почерпнутымъ изъ священныхъ книгъ, подтверждаетъ, что

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно
Въ оковахъ не умретъ: *)

Совершившееся въ 1861 году освобожденіе крестьянъ было привѣтствовано какъ величайшій праздникъ не одними крестьянами, но всею благородно мыслящею и чувствующею Русью; всѣ сословія, всѣ званія принесли свою дань радости, благодарности, любви. Митрополитъ Филаретъ, умѣвшій всегда краткимъ и мѣткимъ словомъ показать сущность дѣла и лица, говорилъ Государю: «Обыкновенно сильные земли любятъ искать удовольствія и славы въ томъ, чтобы покорить, и наложить иго. Твое желаніе и утѣшеніе—облегчить Твоему народу древнія бремена, и возвысить мѣру свободы, ограниченной закономъ... И вотъ, болѣе 20 милліоновъ душъ обязаны Тебѣ благодарностію за новыя права, за новую долю свободы». Даровитѣйшій проповѣдникъ но-

*) Іоаннъ Дамаскинъ, гр. А. Толстого.

ваго царствованія, обновитель церковной проповѣди, епископъ смоленскій Іоаннъ, называлъ дѣло освобожденія торжествомъ народныхъ русскихъ идей, гранью рѣзко раздѣляющею прошедшее и настоящее Россіи, началомъ новой жизни. Кн. В. Одоевскій, по своему происхожденію стоявшій во главѣ всѣхъ нашихъ княжескихъ и аристократическихъ родовъ, до конца жизни своей считалъ самымъ радостнымъ праздникомъ 19 февраля, ежегодно собиралъ вокругъ себя, наканунѣ этого дня, своихъ близкихъ и друзей, чтобы за праздничнымъ ужиномъ встрѣтить годовщину великаго торжества, такъ сказать, при самомъ его зачатіи, т. е. ровно въ полночь, и въ самый моментъ рожденія годовщины провозгласить тостъ въ честь ея Державнаго Виновника. Поэты — Тютчевъ, Аксаковъ, Майковъ, Бенедиктовъ, Плещеевъ, Полонскій, Жемчужниковъ, Жадовская, Крестовскій, Розенгеймъ, Сиглазовъ, О. Павлова и многіе другіе отозвались глубокорадостнымъ словомъ—то въ честь радостнаго дня, то въ упованіи неисчислимо благихъ его послѣдствій. Тютчевъ писалъ Государю:

Ты взялъ свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью.

Поэтъ вѣритъ въ благодѣтельную силу свободы надъ темною толпой:

Блеснетъ твой лучъ—и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы.

Другой поэтъ замѣчаетъ:

Мнѣ уже слышится что-то иное
Въ пѣсняхъ отчизны моей.

Льются смѣлѣй заунывные звуки,
Полные силъ молодыхъ;
Многихъ годовъ пережитыя муки
Грозно скопились въ нихъ.
Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть ты унынья страна,—
Нѣтъ, я не вѣрю, что нѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана. *)

Майковъ рисуетъ намъ, какъ въ избѣ, мерцая, свѣтитъ огонекъ:

Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ...
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Стихотворенія принадлежали не только записнымъ стихотворцамъ, но и крестьянамъ, крестьянскимъ артелямъ, писарямъ, музыкантамъ, фейерверкерамъ. Но едва ли не выше всякихъ стиховъ были тѣ простыя рѣчи, которыми встрѣчали крестьяне по селамъ, по городамъ объявленную наконецъ волю.

По деревнямъ невѣсты распѣвали:

На Руси да пѣтухи поютъ,
На Святой Руси Богъ день даетъ!

19-е февраля даровало не только свободу крестьянамъ, но оживило всѣхъ мыслящихъ людей:

И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта. **)

---

*) Апухтинъ.
**) Жемчужниковъ

Въ честь великаго событія появлялись стихотворенія на малорусскомъ языкѣ, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, на итальянскомъ, на французскомъ, на англійскомъ (въ Америкѣ); множество было издано картинъ, портретовъ; графъ Ѳ. П. Толстой сочинилъ и вылѣпилъ изъ воска медальонъ, изображающій императора Александра: въ славянскомъ вооруженіи, въ шлемѣ и порфирѣ, озаренный лучемъ Божественнаго свѣта, Онъ попираетъ ногою изломанное ярмо и соединяетъ стоящихъ по обѣимъ его сторонамъ боярина и крестьянина; послѣдніе подаютъ другъ другу руки, въ знакъ неразрывнаго согласія подвизаться заодно, для славы и блага родины.

Не забыло поэтическое слово и ближайшихъ сотрудниковъ Государя; оно возвѣщало благо всѣмъ, кому привелось.

Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ;
Такъ, благо вамъ, хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!

Радость освобожденія долго не ослабѣвала въ литературѣ. День 19-го февраля казался днемъ воскресенія, и поэтъ восклицалъ:

Христосъ, Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Разбита рабства цѣпь! Вставайте, мертвецы!
Вставайте, Лазари, изъ гроба вѣкового!
Впередъ, насъ братья ждутъ, впередъ рука съ рукой,
Теперь намъ всѣмъ одно—всѣмъ общая дорога!
Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому,
Тому, Кто какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ Свой народъ отъ рабства, и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной! *)

*) Розенгеймъ.

Малороссійскій писатель, полный живой фантазіи и теплой вѣры, рисовалъ картину настоящаго и будущаго:

Цвѣтуть маки, червоніють
У чистому поли...
Дождалыся украинци
Законнои воли.
Давъ Царь волю, дасть Богъ долю,
Будемъ щастя знаты *).

Но всѣхъ восторженныхъ отголосковъ не перечтешь. Любопытные могутъ справиться о другихъ пьесахъ на 19-е февраля въ книгѣ В. И. Межова: „Крестьянскій вопросъ“ (Спб. 1865, стр. 324—327).

И если находились въ самомъ народѣ старики, которые говорили:

А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли толку нѣтъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

За то молодой парень на вопросъ старика: «чего хотятъ?»

„Чего?“ онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!
Впередъ—въ пространство безъ конца,
Впередъ—не внемля ничему!
Неслись—а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...
Неслись... „Куда-жъ те дьяволъ мчитъ?“
Вдругъ сорвалось у старика,

*) Максимовичъ, „День“, 1863, № 27.

А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль какъ широка! *)

Не скрывалъ русскій писатель и того недовольства, которое овладѣло нѣкоторыми, что дѣло осуществилось не такъ, какъ имъ хотѣлось:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилася:
Однимъ концомъ—по барину,
Другимъ по мужику! **)

Но неизбѣжные при такомъ великомъ дѣлѣ споры и пререканія, жалобы и ропотъ, терялись во всеобщемъ оживленіи.

Время новое повѣяло—смотри,
Время новое повѣяло крыломъ:
У однихъ глаза вдругъ вспыхнули огнемъ,
Словно лучъ въ лицо ударилъ отъ зари,
У другихъ глаза померкли и чело
Потемнѣло, словно облако нашло. ***)

V.

По волѣ Царя, даровавшаго признаніе и обезпеченіе личности, оперлись русская мысль и слово. Съ 1861 г. началось печатаніе дотолѣ недозволяемыхъ нѣкоторыхъ сочиненій, документовъ, историческихъ записокъ, такъ напр. дозволена къ обращенію въ публикѣ

*) Стихотв. А. Майкова, Спб., 1872, II, 315.
**) Некрасовъ, «Кому на Руси жить хорошо».
***) „Оттиски“ стих. Полонскаго. 1866, піеса XII.

книга Радищева, напечатана «Жизнь графа Сперанскаго», «Письма Сперанскаго къ Масальскому», гдѣ дозволено было напечатать и его знаменитое пермское письмо *), позднѣе—отрывокъ изъ записокъ гр. Бенкендорфа, письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, письма Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и проч. и проч. Въ мартѣ 1861 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, праздновался юбилей князя Вяземскаго; Государь, въ ознаменованіе высокаго благоволенія своего къ литературнымъ трудамъ князя Вяземскаго, всемилостивѣйше изволилъ, въ день празднованія его юбилея, пожаловать его въ гофмейстеры двора Его Величества, а по желанію Государыни Императрицы, онъ назначенъ состоять при особѣ Ея Величества. Вниманіе царское простиралось не только на живыхъ, но и почившихъ дѣятелей русскаго слова; бывши въ Одессѣ, Государь посѣтилъ гробницу преосв. Иннокентія и молился надъ ней.

Въ 1861 г. цесаревичъ Николай Александровичъ предпринялъ первое путешествіе по Россіи. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Его на нижегородскую ярмарку и затѣмъ по Волгѣ до Казани и обратно, находился писатель П. И. Мельниковъ. Цесаревичъ очень любилъ русскія преданья, повѣрья, пѣсни и вообще все, что относится до нашего народнаго быта. Мельниковъ указывалъ Ему на замѣчательныя мѣста нагорнаго и лугового береговъ Волги и передавалъ сказанія объ этихъ мѣстахъ. Наслѣдникъ, уже знакомый съ произведеніями Мельникова, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и первый побудилъ его изобразить бытъ заволжскій: такъ явились сочиненія: «Въ лѣсахъ», «Въ горахъ», цѣнное достояніе нашей литературы.

---

*) См. также „Русскій Архивъ" 1871, стр. 1246, 1865, вып. 2, 1868, вып. 3, 1873 и 1879, т. 1.

1863 годъ начался бѣдственнымъ польскимъ возстаніемъ, которое явилось главнѣйшимъ тормазомъ господствовавшаго дотолѣ движенія впередъ.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ. *)

Напрасно русскіе писатели и поэты говорятъ полякамъ о примиреніи, объ умѣренности, напрасно малорусскій поэтъ съ юморомъ говорилъ:

Слухай, Ляше! на Вкраинѣ
Не брыкай, не брыкай,
Лучче въ Польщу ты пьятами
Накивай, накивай!
За Варшаву маешь славу
Заробыть, заробыть;
А за Кіевъ тебѣ кіемъ
Будемъ бить, будемъ бить.

Но въ заключеніе заговорило прямо сердце, сердце брата, скорбящаго о несчастіяхъ и страданіяхъ заблуждающихся, которые не хотѣли признавать себя нашими братьями:

Да на що та рѣзанина,
На що новп бѣды?
Лучче, Ляше, обоймимось,
Якъ браты, якъ браты!

Проходятъ мѣсяцы,—малороссійскій поэтъ не переставалъ скорбѣть о печальной родственной распрѣ и все призывалъ къ примиренію, къ любви, къ союзу:

*) Тютчевъ.

Доки-жъ, браття, литься крови?
Годѣ, Ляше, годѣ!
Ой, часъ-пора до любови,
Пора стати въ згодѣ!
Якъ бы добре, якъ бы гарно
Сталося на свѣтѣ.
Коли бъ всѣмъ славянамъ вкупѣ
По братерьски жити! *)

Мятежъ польскій воздвигъ было на насъ европейскую бурю,—но вся Русь возстала на защиту своего достоянія; всеподданнѣйшія письма, полныя исторической правды и могучей готовности на всѣ жертвы, понеслись къ Государю со всѣхъ концовъ Россіи; опираясь на нихъ, князь Горчаковъ сплою слова отстоялъ честь и право Россіи, и Тютчевъ мѣтко сказалъ о канцлерѣ:

Онъ первый угадалъ, въ чемъ дѣло,
И имъ впервые русскій духъ
Союзной силой признанъ смѣло,
И вотъ вѣнецъ его заслугъ!

Характеризируя его депеши, поэтъ сказалъ:

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, что было и что есть,—
Изобличивъ Европы совѣсть,
Онѣ спасли Россіи честь.

Лѣтомъ 1863 года Цесаревичъ Николай (которому передъ тѣмъ читали лекціи лучшіе люди науки—Бабстъ, Бунге, Буслаевъ, Гротъ, Стасюлевичъ, Соловьевъ) предпринялъ вторичное путешествіе по Рос-

*) Максимовичъ, „День“, 1863, № 27; „Украинецъ“, 1864, Кіевъ, стр. 35.

сіи; его сопровождали Побѣдоносцевъ и Бабстъ. Плодомъ этого путешествія явилась обширная книга «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича» (М. 1864, X+568 стр.). Письма эти первоначально печатались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, почти современно путешествію Цесаревича, такъ что читатели могли слѣдить за ходомъ его. Путешествіе это, предпринятое черезъ годъ по освобожденіи крестьянъ и въ самый разгаръ польскаго мятежа, было исполнено безчисленныхъ проявленій радости и признательности освобожденнаго народа къ Царю-Освободителю. По всей дорогѣ преобладала память о Немъ. Гг. Побѣдоносцевъ и Бабстъ приводятъ много добрыхъ явленій, выражавшихся въ такой поразительной цѣльности и простотѣ, въ такой красотѣ души народной, что и теперь нельзя читать ихъ безъ душевнаго волненія. Вотъ нѣсколько указаній на нихъ: въ Рыбинскѣ на одномъ домѣ блеститъ огнями щитъ и на немъ слова: «Веди насъ къ счастію и чести, какъ ведетъ насъ Твой Отецъ». Въ Ярославлѣ народъ хватается за экипажъ Цесаревича, сзади и спереди, и кричитъ: «Скажи Отцу Своему, какъ мы Его любимъ». Въ Костромѣ дворовыя дѣвушки подносятъ цвѣты съ благодарственнымъ адресомъ, какъ сыну Царя-Освободителя. Въ Симбирской губерніи крестьяне подносятъ рѣзное изъ дерева блюдо, превосходной работы, съ надписью: Сыну Царя-Освободителя освобожденные спасскіе крестьяне. Авторы книги не опускаютъ кипящихъ любовію движеній народа, выражающихся въ самыхъ простыхъ и повидимому грубыхъ формахъ; такъ напримѣръ бабы-блинщицы бѣгутъ за коляской, хватаются за крылья ея и предлагаютъ свою хлѣбъ-соль, блины; тамъ крестьянскія дѣти подносятъ кустики свѣжей земляники и незабудокъ; тамъ, по дорогѣ чрезъ

село, у каждаго домика стоитъ столъ, накрытый бѣлою скатертью, на столѣ круглый хлѣбъ съ солонкой, а передъ хлѣбомъ икона; тамъ старуха вышла просто съ иконой (столика печѣмъ было нарядить) и держитъ ее въ рукахъ, на бѣломъ полотенцѣ; въ другомъ селеніи дорога утыкана цвѣтками, которые нарочно насажали дѣти стеблемъ въ песокъ; тамъ крестьянинъ приноситъ армякъ къ остановившейся коляскѣ Цесаревича и бережно разстилаетъ его у самой подножки, чтобы дорогой Гость прошелъ чрезъ армякъ его; тамъ, сіяя радостію и поминутно кланяясь, говорятъ: «здравствуй, батюшка Николай Александровичъ!», а старухи приговариваютъ: «голубчикъ! райскій цвѣточекъ!»; тамъ бабы всю гору устлали холстами своей работы, чтобы по ихъ холстамъ проѣхала коляска Наслѣдника; тамъ старуха подноситъ три просфоры, икону и маленькую бумажную коробочку, въ которой сидѣли три черные таракана (по русскому повѣрью, тараканы означаютъ домовитость и обиліе благъ земныхъ); тамъ на одной лошади скачутъ двое, лишь бы дольше наглядѣться на Цесаревича; тамъ мчатся за нимъ повозки, телѣги, фуры, тарантасы, дроги, такъ что экипажъ Цесаревича долженъ былъ то и дѣло остерегаться, чтобы не наѣхать на какую нибудь шальную телѣгу; тамъ у дома, откуда выѣзжаетъ Наслѣдникъ, стоитъ въ углу простая женщина и со слезами на глазахъ креститъ ему дорогу... Все это—и слезы, и молитвы, и движенія, и крики, пѣсни и хороводы—говорило о единствѣ и силѣ народнаго сознательнаго чувства *).

Въ 1864 году Всемилостивѣйше дарованы были сред-

---

*) Письма о путешествіи Государя Наслѣдника, II. А. стр. 41. 86. 112, 125, 183, 204, 205, 210, 262, 287, 305 и проч.

ства на печатаніе «Толковаго Словаря», Даля, такъ какъ частныя средства для изданія скоро истощились. Стало быть, безъ царскаго пособія мы бы и не видали этой громадной сокровищницы русскаго языка.

Въ апрѣлѣ 1865 года русскіе люди праздновали столѣтній юбилей Ломоносова. На обѣдѣ, въ залѣ дворянскаго собранія, хоръ, вмѣстѣ съ оркестрами, пѣлъ «славу», въ родѣ стариннаго царскаго подблюднаго величанія; слова заздравнаго величанья передѣланы были Майковымъ.

Слава на небѣ красному солнышку! Слава!
А на землѣ Государю Великому! —
Чтобы царству Его прославлятися! —
Чтобъ народу Его благоденствовать! —
Чтобъ судьямъ Его судить праведно! —
Чтобъ войску Его сіять доблестью! —
Чтобъ подъ сѣнью Его цвѣсти знаніямъ! —
Чтобъ Россіи Его славить во вѣки! —
Мы Царю Государю славу поемъ! —
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ! —

Радость единодушнаго праздника омрачалась печальными извѣстіями о тяжкой болѣзни Цесаревича Николая. Какъ былъ принятъ тостъ за его здоровье, видно изъ телеграммы, посланной распорядителями праздника въ Ниццу, попечителю Цесаревича, графу Строганову: «Тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича, предложенный въ присутствіи тысячи человѣкъ, собравшихся для празднованія юбилея Ломоносова, былъ принятъ съ безпримѣрнымъ энтузіазмомъ и съ сочувствіемъ, доходившимъ до слезъ. Распорядители празднества считаютъ обязанностію просить васъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Высочества, если состояніе здоровья его это позволитъ.» Графъ Строгановъ отвѣчалъ: «Съ Божіею помощію, телеграмма бу-

детъ представлена Государю Наслѣднику. Общее сочувствіе тронетъ Его Высочество, единственная мысль котораго—сдѣлаться достойнымъ подобныхъ чувствъ».

6 апрѣля 1865 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ ограниченіи цензуры. Вся печать наша, всѣ читатели единодушно привѣтствовали его и возложили на него великія надежды. Облегченія и удобства, дарованныя Высочайшею властію, главнымъ образомъ состояли: въ освобожденіи отъ предварительной цензуры столичныхъ періодическихъ изданій, оригинальныхъ сочиненій, объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, переводовъ, не менѣе 20 листовъ; въ повсемѣстномъ освобожденіи отъ цензуры всѣхъ изданій академій, университетовъ, ученыхъ обществъ, изданій на древнихъ классическихъ языкахъ и переводовъ съ нихъ. Въ случаѣ нарушенія законовъ въ освобожденныхъ изданіяхъ и сочиненіяхъ, редакторы и писатели подлежатъ дѣйствію административныхъ взысканій и законному преслѣдованію. Завѣдываніе дѣлами печати сосредоточено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, во вновь учрежденномъ главномъ управленіи по симъ дѣламъ. Цензура иностранныхъ книгъ, изданіе эстамповъ и рисунковъ оставлены на прежнихъ основаніяхъ. Дарованіемъ этихъ правъ русская литература несомнѣнно обязана авторитетному слову бывшаго предсѣдателя комитета иностранной цензуры, Тютчева. Въ письмѣ своемъ къ нашему канцлеру, князю Горчакову, Тютчевъ еще въ 1857 году свидѣтельствуетъ, что наша печать, съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, постоянно стремилась сколь возможно лучше и вѣрнѣе выражать мнѣніе страны, обнаруживала искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества... Всѣ убѣждены, что никто сильнѣе Государя не страдаетъ

отъ язвъ Россіи и никто живѣе Его не желаетъ ихъ исцѣленія; но нигдѣ, быть можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей; едва ли въ обществѣ можно найдти другой разрядъ людей, болѣе благоговѣйно преданныхъ особѣ Государя. Тютчевъ оканчивалъ свою записку желаніемъ, чтобы всѣ честныя и просвѣщенныя убѣжденія имѣли право образовать изъ себя, открыто и свободно, умственную и преданную дружину, на служеніе личнымъ вдохновеніямъ Государя *).

Тамъ же онъ говоритъ: «Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго Императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ». Безъ всякаго сомнѣнія знали это очень хорошо русскіе писатели и, въ чувствѣ признательности, сознательно говорили, что цензурный уставъ 6 апрѣля 1865 г. и успѣхи русской печати, при обсужденіи общественныхъ вопросовъ, постепенно отодвинули на самый задній планъ нашихъ заграничныхъ публицистовъ. Обращаемъ вниманіе читателей на статьи г. Иловайскаго («Рус. Арх.» 1874 г., «Взглядъ на русскую жизнь за послѣднія 18 лѣтъ); тамъ они найдутъ безпристрастное указаніе какъ на заслуги русскаго печатнаго слова предъ обществомъ, такъ равно и на его ошибки. Въ заключеніе достойный историкъ съ полною основательностію утверждаетъ, что каковы бы ни были уклоненія нашей печати отъ прямой дороги,— «въ итогѣ исторія все-таки отдастъ полную справедли-

*) „Руус. Арх.“ 1873, т. I. стр. 622, 623, 632, сличи „Рус. Арх.“ 1874, т. II, стр. 329. Вѣроятно, по тому же поводу Тютчевъ въ стихахъ своихъ къ канцлеру, говоря о Россіи, взывалъ къ нему:

Отстойте мысль ея, спасите духъ!

вость заслугамъ русскаго печатнаго слова за послѣднія 18 лѣтъ». «Безконечная благодарность Тому, Кто далъ намъ возможность безпрепятственно высказывать свое мнѣніе въ печати», говоритъ историкъ.

Горе царское и народное—кончина цесаревича Николая I—было встрѣчено многими изъявленіями живой скорби о неожиданной утратѣ многообѣщавшаго Наслѣдника: вспоминая о его высокихъ душевныхъ качествахъ, Тютчевъ говорилъ:

Знать, онъ предъ Богомъ былъ достоинъ
Другого, лучшаго вѣнца.
Другого, лучшаго наслѣдства,
Наслѣдства Бога своего,—
Онъ, наша радость съ малолѣтства,
Онъ былъ не нашъ, онъ былъ Его.

Кн. Вяземскій, состоявшій при особѣ Государыни и бывшій свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Наслѣдника, напутствовалъ трогательнымъ словомъ плаваніе почившаго на родину.

Гдѣ онъ былъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него,
Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и чистъ Онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ правъ.
Народъ, подъ красотою личной
Любя и сердца благость въ немъ,
Ждалъ, что сберетъ онъ плодъ сторичный
Съ бразды засѣянной Отцомъ.
Гаданья свѣтлыя напрасны...
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младого палъ вѣнецъ!

М. Стасюлевичъ, одинъ изъ наставниковъ цесаревича, вспоминаетъ о немъ въ полныхъ скорби выраженіяхъ и приводитъ отрывки изъ его историческихъ взглядовъ въ предисловіи къ своей «Исторіи Среднихъ Вѣковъ» (т. III, 1865 г.). — Въ московскомъ университетѣ, вслѣдъ за первой панихидой о цесаревичѣ, происходило засѣданіе совѣта, въ которомъ единогласно опредѣлено: ходатайствовать о дозволеніи учредить въ московскомъ университетѣ, изъ профессорскихъ суммъ, четыре стипендіи имени цесаревича Николая. Позднѣе — въ память цесаревича учрежденъ былъ въ Москвѣ Катковымъ и Леонтьевымъ «Лицей цесаревича Николая». Личность почившаго вызвала необыкновенно-теплое, искреннее сочувствіе и заграницей; шведскій поэтъ Тонсліусъ написалъ прекрасную, истинно-поэтическую рѣчь на его кончину. И четыре мѣсяца спустя послѣ кончины цесаревича, говорилъ слово утѣшенія тоскующей Матери-Царицѣ князь Вяземскій:

Жизнь наша—таинство: мы странники, тревожно
Подъ облакомъ идемъ въ невѣдомый намъ путь.
О чемъ печалиться? чѣмъ радоваться можно?
Не знаемъ. И впередъ намъ страшно заглянуть.
Не наши блага намъ дарованныя Богомъ!
Намъ страшно и любить что намъ любить дано,
Что сознаемъ въ душѣ святыней и залогомъ
Грядущаго, и чѣмъ намъ радостно оно....
Жизнь таинство, но жизнь и жертвоприношенье:
Призванью вѣренъ тотъ, кто средь земныхъ тревогъ
Смиренно совершитъ священное служенье,
И вѣруетъ тому, чего постичь не могъ;
Кто немощи души молитвою врачуетъ,
И если душу жизнь обманомъ уязвитъ,
Скорбя безъ ропота свой тяжкій крестъ цѣлуетъ,
И плачетъ на земли, а на небо глядитъ.

При всѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ 1865 г.,

царское вниманіе къ литературѣ не ослаблялось. Когда Погодинъ началъ печатаніе своей «Древней русской исторіи», оно было обезпечено милостію Государя, какъ свидѣтельствуетъ самъ Погодинъ.

Въ томъ же году разрѣшено всѣмъ изданіе календарей, составлявшее дотолѣ привиллегію Академіи наукъ.

29 декабря умираетъ въ Парижѣ Плетневъ и передъ смертью проситъ своего духовника, протоіерея Васильева, найдти случай передать Государю предсмертную его благодарность за всѣ милости, оказанныя ему.

Въ февралѣ 1866 г. дарована была пожизненная пенсія композитору Сѣрову, по 1000 р. въ годъ, изъ кабинета Его Величества.

VI.

Горе о потерѣ цесаревича Николая еще не затихло, вдругъ разразилось неожиданно другое:

Готовилось неслыханное дѣло
Злодѣй грозилъ сразить Царя-Отца,
Сразить Того, Кто преданъ намъ всецѣло,
Кѣмъ полны наши думы и сердца...
О, Государь! какое огорченье
Нанесено благой душѣ Твоей,
Что за любовь Твою, за попеченья
Такъ отплатить дерзнулъ Тебѣ злодѣй *).

Майковъ, Некрасовъ, кн. Вяземскій, П. Каратыгинъ, Ѳ. Кони, и многіе другіе отозвались словами радостнаго

*) Сборникъ р. стихотвореній. М. 1867, стр. 460.

привѣта Государю и «единому отъ малыхъ» — Комиссарову, Майковъ выразилъ общее впечатлѣніе словами:

Все, что въ груди есть русскаго у насъ—
Оскорблено... Рукой безвѣстнаго злодѣя
Едва святая кровь Царя не пролилась,
Царя, строжайшаго блюстителя законовъ...
И гдѣ же? между насъ, среди своей семьи...
Царя, строителя земли,
Освободителя мильоновъ!..

Поэтъ призывалъ всѣхъ сомкнуться вкругъ Царя и дать дружный отпоръ напосному недугу,

Чтобъ къ жизни насъ призвавшая свобода
Была не гибелью для русскаго народа,
А свѣтомъ истины и царственной любви!

Некрасовъ говорилъ, что только въ будущемъ явится поэтъ, вдохновеньемъ могучъ и чудесенъ,—

Онъ великую пѣсню споетъ,
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: Царь, что стезей многотрудной
Царство русское къ счастью ведетъ,
Царь, покончившій рабскіе стоны,
Вѣковую безправность людей,
И свободныхъ сыновъ милліоны
Даровавшій отчизнѣ своей,—
И крестьянинъ, кого возрастилъ
Въ нѣдрахъ Руси народъ православной,
Чтобъ въ себѣ весь народъ онъ явилъ
Охранителемъ жизни державной,

Возмутительное событіе 4 апрѣля, грозившее живому упованію нашего развитія, вызвало, кромѣ стихотвореній, помѣщенныхъ во множествѣ газетъ и журналовъ, еще 64 изданія, наполненныя разсказами о поку-

шеніи, о Государѣ, о Комисаровѣ. Не говоримъ уже о безчисленныхъ адресахъ губерній, городовъ, сословій, обществъ. Смыслъ всѣхъ адресовъ былъ одинъ: «живите, Государь, долго! живите до тѣхъ поръ, пока все задуманное и насажденное Вами обратится въ прочное достояніе Россіи, будетъ обезпечено отъ всѣхъ возможныхъ случайностей, и облегчится трудъ Вашему Наслѣднику». Среди поздравительныхъ адресовъ Государю, былъ адресъ московскаго университета; студенты, получивъ изъявленіе Высочайшей благодарности, отправились въ числѣ 200 человѣкъ отслужить молебенъ въ часовнѣ Иверской Божіей Матери. На возвратномъ пути, по кремлевскому саду, нисколько не сговариваясь, они вдругъ запѣли народный гимнъ, причемъ всѣ встрѣчавшіеся имъ разступались, снимая шапки *). Быть можетъ, никогда, ни одинъ русскій царь не имѣлъ такого широкаго и до такой степени полнаго мысли торжества: здѣсь говорило общественное и народное сознаніе, пробужденіе котораго никакому періоду нашей новой исторіи, со временъ Петра, не принадлежитъ по праву въ такой степени, какъ именно настоящему царствованію. Радуясь о спасеніи жизни Государя, писатели въ то же время радовались за будущее Россіи, за прочные успѣхи ея процвѣтанія и признавали, что въ Царѣ-Освободителѣ—вся будущность Россіи. Не говоримъ уже о радостяхъ Москвы. Никогда земные властители не собирали дани болѣе чистой, болѣе свободной.

Государь много разъ благодарилъ отъ всей души и отъ всего сердца всѣхъ, являвшихся къ Нему съ выраженіемъ своихъ чувствъ. Приводимъ слѣдующія, особенно радостныя Его слова, сказанныя 11-го апрѣля: «Я

*) Отеч. Зап. 1866, апр. кн. 2, стр. IV—V.

глубоко тронутъ. господа, выраженіями чувствъ преданности, которыя стекаются ко Мнѣ со всей Россіи: въ этихъ чувствахъ Я не сомнѣвался никогда, а въ настоящемъ случаѣ они служатъ Мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. Въ охраненіи дней Моихъ Я вижу Божію волю, и съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше всего: все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему, и Я теперь достойно награжденъ за всѣ мои труды и за безпредѣльную любовь къ Россіи... Благодарю васъ. Я увѣренъ, что вы сохраните Мнѣ вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ Меня, перенесете ихъ на Наслѣдника Моего». Государь обнялъ и поцѣловалъ великаго князя. У всѣхъ присутствовавшихъ на глазахъ навернулись слезы. «Богъ да сохранитъ Васъ на долго, Государь, вся Россія молитъ Его объ этомъ» — послышалось въ залѣ. «Благодарю васъ, господа, за ваши молитвы, благодарю васъ за ваши чувства, Я постоянно молю Бога за Россію, за всѣхъ васъ; молю, чтобъ Онъ даровалъ мнѣ силы продолжать начатое дѣло».

Благословенъ Господь. отъ нынѣ и до вѣка!
Онъ въ благости своей въ насъ вѣру укрѣпилъ:
Онъ русскаго Царя и человѣка
Для благоденствія Россіи сохранилъ *).

Въ это тревожное время русская любовь сіяла неизмѣннымъ пламенемъ и безтрепетно доходила до престола; лучшіе люди неизмѣнно вѣрили Царю. Въ 1866 г. графъ А. К. Толстой посвящаетъ собраніе своихъ стихотвореній Государынѣ, и въ своемъ посвященіи говоритъ:

*) Стих. Карамзина, „Голосъ“, 1866, № 98.

Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчиво главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой,
Я мыслилъ, пѣсни тѣ слагая,
Онѣ невѣдомо замрутъ,
Но Ты дала имъ, о благая,
Свою защиту и пріютъ.
Встрѣчай же въ солнцѣ и лазури,
Царица, радостные дни
И насъ, пѣвцовъ, въ годину бури,
Въ своихъ молитвахъ помяни!

«Година бури», ознаменованная войною Пруссіи съ Австріею, вызвала слово у Тютчева о поруганіи правды по всей тогдашней Европѣ, но поэтъ съ убѣжденіемъ говоритъ, что хотя бы правда сошла съ ложа земного,—

Но есть еще одинъ пріютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь:
Въ твоей душѣ онъ, Царь нашъ православный,
Нашъ благодушный, честный русскій Царь!

1 декабря 1866 г., праздновался столѣтній юбилей Карамзина. Въ память услугъ, оказанныхъ имъ отечественной наукѣ и литературѣ, Государь изволилъ пожаловать сыну его В. Н. Карамзину орденъ св. Станислава 1 степени, — кромѣ того, той же награды удостоенъ академикъ Погодинъ (написавшій къ тому времени біографію Карамзина); академику Строеву, составителю Ключа къ Исторіи Государства Россійскаго», Высочайше пожалована прибавка въ 1000 р. къ получаемой имъ пенсіи. Такъ широко и достойно почтенъ былъ почившій гражданинъ, по выраженію Тютчева,

Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,

Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи.

Покушеніе 4 апрѣля и чрезъ годъ вызывало противъ себя горячіе голоса какъ среди русскихъ, такъ и среди славянъ. Чешскій ученый О. Іезбера (редакторъ первой всеславянской газеты «Словѣнинъ»), жившій тогда въ Москвѣ для изученія русской литературы, пишетъ письмо Погодину, въ которомъ выражаетъ радость о спасеніи Царя, и стихотвореніе «Молитва Славянская», гдѣ онъ высказываетъ свою любовь къ Россіи и свои завѣтныя думы: «О, Господи, благословенье славянскому народу дай! Благослови всю Русь святую, благослови царей, дабы вели къ блаженству свой народъ; разлей на русскую державу Своей любви и правды свѣтъ,

„Да всѣ славянскіе народы,
Что дѣти матери родной,
Забывъ прошедшія невзгоды,
Поймутъ всѣ голосъ свой родной“.

Простой, но вѣрный очеркъ царствованія Государя встрѣчаемъ въ то время въ стихахъ провинціальнаго поэта (изъ Тифлиса) г. Бобылева; въ стихотвореніи своемъ «Русская дума», изображая судьбы Россіи, онъ такъ характеризуетъ патріотическое царствованіе Государя, которому недавно старообрядцы писали: «Въ повизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится»:

Терпѣли долго мы, крѣпясь, не говоря,
И дотерпѣлися до добраго Царя!..
Онъ вызналъ нашу мысль, додумалъ нашу думу,
И взялся управлять Россіею безъ шуму,
Безъ блеску, безъ угрозъ, Европы не дивя,
Но жизнью русскою сознательно живя,

Проникнуть мыслію святой и благородной,
Онъ силенъ и великъ любовію народной.
И сталъ Онъ царствовать какъ русскій человѣкъ:
Свободно въ десять лѣтъ Онъ двинулъ цѣлый вѣкъ.
Мы выросли теперь годовъ на девяносто.
Что силой трудно взять, любовью взято просто:
Безъ крови, безъ штыковъ, безъ пушекъ, безъ солдатъ.
Крестьянинъ воленъ сталъ и счастливъ и богатъ.
Да, мудраго Царя терпѣньемъ мы стяжали!
Какъ новый Моисей, Онъ вывелъ намъ скрижали
Законовъ, писанныхъ въ защиту нашихъ правъ,
И слова вольнаго отъ русскихъ пожелавъ,
Но слова умнаго и сказаннаго кстати,
Онъ узы развязалъ оковannой печати,
Гражданской доблести широкій далъ исходъ,-
И сталъ Его любить и чествовать народъ.
Вездѣ родная кровь кипитъ живымъ ключомъ.
И силы русскія мы ясно сознаемъ.
Мы знали ихъ давно, но знали ихъ безмолвно.
Доколѣ власть царя не вызвала любовно
Нашъ голосъ внутренній отликнуться на зовъ -
И вспрянулъ русскій міръ отъ вѣковыхъ оковъ!..
Такъ вещи малыя растутъ вездѣ согласьемъ
И намъ ли не назвать народнымъ нашимъ счастьемъ —
Желаніе Царя постигнуть русскій духъ,
Который гаснулъ въ насъ и чуть лишь не потухъ
Отъ чужеземнаго тлетворнаго дыханья!
Но въ насъ не умерло глубокое сознаніе
Основныхъ, коренныхъ, народныхъ нашихъ силъ,
Которыя Господь издревле въ насъ хранилъ...
Святою правдою любимая страна,
Свободой, наша Русь, ты будешь всѣмъ страшна!
Свободою труда, свободой правъ и слова,
Богата и сильна и завсегда готова,
Какъ дѣва юная, или какъ родная мать,
Въ свои объятія безгрѣшно принять
Всѣ угнетенные и чуждые народы
И падшихъ оживить дыханіемъ свободы.
Обширенъ и богатъ просторъ твоихъ степей. —
Найдется мѣсто тамъ и для Европы всей...
И степи зацвѣтутъ, пески зазеленѣютъ,

И скажетъ внукамъ дѣдъ, какъ царствовать умѣютъ,
Какъ вѣрятъ намъ цари, какъ любятъ свой народъ!
И имя русское пойдетъ изъ рода въ родъ *).

Торжество бракосочетанія Цесаревича Александра напутствовано было послѣднимъ благословеньемъ и привѣтомъ престарѣлаго святителя московскаго Филарета. Радостные дни Царскаго Дома вызвали особенную радость въ русскомъ народѣ тѣмъ, что невѣстою явилась завѣтная, переданная старшимъ братомъ передъ его кончиной—младшему.

Въ сентябрьскіе дни ея пріѣзда, въ Петербургѣ, по словамъ Тютчева,

Небо блѣдно голубое
Дышетъ свѣтомъ и теплом,
Что-то радостно-родное
Вѣетъ, свѣтится во всемъ.
Воздухъ, полный теплой влаги,
Зелень свѣжую поитъ
И торжественные флаги
Зыбью тихою струитъ.
Чистымъ пламенемъ спокойно
По почамъ горятъ огни...
Очарованныя ночи,
Очарованные дни!
Небывалое доселѣ
Понялъ вѣщій нашъ народъ,
И Дагмарина недѣля
Перейдетъ изъ рода въ родъ.

Дѣйствительно, самъ народъ прозвалъ ту недѣлю Дагмариной и радостно встрѣтилъ Ту, которую полюбилъ еще съ той поры, когда она скорбѣла у предсмертнаго одра цесаревича Николая.

Въ этомъ же году была оказана монаршая ми-

*) „Русскій“ 1867 г. стр. 228—229.

лость періодической печати. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ: сложить, къ 1 января 1867 года, съ тѣхъ изъ повременныхъ изданій, которыя, въ то время, состояли подъ дѣйствіемъ полученныхъ ими, въ административномъ порядкѣ, предостереженій, наложенныя на нихъ помянутыя взысканія, со всѣми ихъ послѣдствіями *).

На свѣтлой недѣлѣ 1867 г. Государю угодно было познакомить повобрачную Цесаревну съ своею первопрестольною Москвою. Погодинъ въ свой статьѣ «Царь съ царевичемъ и царевною въ Москвѣ» повелъ такую прямую и достойную рѣчь:

«Прошу у читателей позволенія говорить по-русски, прямо, безъ околичностей. Казенный образъ выраженія отжилъ свой вѣкъ, опошлился, и всѣмъ опротивѣлъ. Никто ему не вѣритъ. Рабство царь уничтожилъ, такъ языку ли оставаться въ узахъ? Свободная рѣчь—вотъ принадлежность новаго времени. Благороднымъ дѣяніямъ подобаютъ и отзывы достойные. Державинъ сказалъ:

Рабъ и похвалить не можетъ.
Рабъ лишь можетъ только льстить.

«Россія любитъ Царя искренно, и вѣритъ ему безпредѣльно,—для чего же условныя рѣчи, нарумяненныя и набѣленныя, подобострастныя и раболѣпныя? Мы Твои, а Ты нашъ. Вотъ и все! Сердце царево въ рукѣ Божіей. Мы молимся въ городахъ: Боже, Царя храни! а изъ деревень, слышите, доносится къ намъ отвѣтъ:

На Руси да пѣтухи поютъ,
На святой Руси Богъ день даетъ!

*) „Книжн. Вѣстн.“ 1867, № 1, стр. 21.

«Да, народъ преданъ царскому семейству, и любитъ его отъ души... Сила не въ силѣ, а сила въ любви. Любовь—вотъ наша многочисленная армія; любовь—вотъ наша неодолимая крѣпость: любовь—вотъ нашъ многомилліонный капиталъ, который можетъ дать процентовъ сто на сто: умѣйте только найдти ихъ,—и опять приходятъ мнѣ на память стихи Державина:

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить!
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту!

«Вотъ эту любовь и должно питать, давать ей развиваться, крѣпнуть, вразумляться осмысливаться. Не мѣшайте ея проявленіямъ. Гласъ народа—гласъ Божій долженъ доноситься къ подножію престола во всей его простотѣ, чистотѣ и громозвучности. Свободная рѣчь, благоразумная, безпристрастная, умѣренная и, главное, растворенная любовію, намъ нужна нынѣ больше всего, потому что, при всей славѣ царствованія, при всѣхъ великихъ событіяхъ, при всѣхъ блистательныхъ надеждахъ на будущее, въ настоящемъ—многія явныя язвы египетскія ходятъ по землѣ нашей, тайныя трихины разъѣдаютъ по мѣстамъ наши внутренности и неусыпаемые черви подтачиваютъ наши основанія. Злой духъ видимо работаетъ» *).

Весной 1867 года въ Москву приглашены были славяне на этнографическую выставку. Какъ радостно отозвались они на это приглашеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: одного чеха, просившаго паспорта, начальники пугнули, что онъ лишится мѣста. «Чортъ

*) Русскій, 1867, л. 11 и 12, стр. 161—162.

его возьмп!—отвѣчалъ онъ — хотя всѣ рѣки потекп назадъ — ѣду *)! Газета «Москва», служившая болѣе всѣхъ изданій дѣлу славянъ, на ту пору была пріостановлена. Погодинъ замѣтилъ по этому поводу: «Не скрою, что это произведетъ на славянъ непріятное впечатлѣніе. Мы смѣемъ надѣяться, что главное управленіе по дѣламъ печати исходатайствуетъ ей разрѣшеніе, въ подарокъ славянскимъ гостямъ». Но газета появилась только по истеченіи полнаго срока пріостановки (30-го іюня). Славянскіе гости слѣдовали въ Моску чрезъ Петербургъ. Государь и Государыня изволили принимать ихъ въ Царскосельскомъ дворцѣ. Докторъ Шафарикъ (сербъ) въ своемъ привѣтствіи сказалъ въ заключеніе: «Мы просимъ Господа, чтобы онъ далъ Вашему Величеству многолѣтнее счастливое житіе и владѣніе не только на счастіе великаго народа русскаго.... но и на радость и утѣху всѣхъ племенъ славянскихъ". Государь отвѣчалъ: «Благодарю васъ за ваши добрыя желанія. Мы сербовъ всегда считали за родныхъ братьевъ, и надѣюсь, что Богъ готовитъ вамъ въ скоромъ времени лучшую будущность. Дай Богъ, чтобъ всѣ желанія наши скоро исполнились». Затѣмъ Государь обратился ко всѣмъ представлявшимся: «Здравствуйте, господа! Привѣтствую васъ, родные славянскіе братья, на родной славянской землѣ! Надѣюсь, что вы останетесь довольны сдѣланнымъ вамъ пріемомъ, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ. До свиданія!»

Много поэтовъ отозвались пылкими привѣтствіями въ честь гостей. Всего сильнѣе и яснѣе были стихи Тютчева. Съ грустью вспоминая о разъединеніи славянъ, поэтъ восклицаетъ:

---

*) Тамъ же, стр. 228.

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Но поэтъ полонъ живой вѣры въ будущее:

Онъ живъ—Верховный Промыслитель!
И судъ Его не оскудѣлъ,
И слово—Царь-Освободитель
За русскій выступитъ предѣлъ!

Слава Богу, мы видѣли уже, что вѣщее слово поэта сбылось.

Среди славянскихъ торжествъ принеслась страшная вѣсть изъ Парижа о новомъ покушеніи на жизнь Государя. Признавая въ спасеніи Его видимое чудо милости Божіей, Погодинъ загремѣлъ грознымъ словомъ.

Гости славянскіе, бывшіе въ то время въ Москвѣ, видѣвшіе радость и любовь Москвы къ Государю, нѣсколько разъ выражали Погодину свое удивленіе передъ неограниченной преданностію русскаго народа къ своему Царю-Освободителю. Русскій царь и русскій народъ—одно: вотъ что глубоко напечатлѣлось въ ихъ сердцахъ. Тѣмъ не менѣе, в т о р и ч н о е покушеніе на жизнь Государя заставило многихъ призадуматься надъ переживаемой эпохой; шаткость положенія, неопредѣленность мѣръ, пригодныхъ для исцѣленія, сознавалась всѣми; всего яснѣе чувствовалось и понималось одно, что волненіе растетъ повсюду. О. Гилика по этому поводу говорилъ:

А дни повсюду непогодные:
На всей землѣ, во всѣхъ краяхъ,
Судьбы и жребіи народные
Плывутъ на утлыхъ корабляхъ.

Но въ спасеніи Государя поэтъ видитъ и благословеніе Божіе, и залогъ счастія Россіи:

И вотъ—хоть есть на небѣ зарева,
И ходитъ по землѣ молва,
Русь счастлива, что Государева
Двукраты спасена глава!

Лѣто 1867 г. Царь съ своимъ семействомъ провелъ въ Ливадіи. Въ числѣ гостей пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и князь Вяземскій. Маститый поэтъ написалъ тогда много прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя относились и къ царской семьѣ. Въ пьесѣ «Ливадія», написанной на день рожденія Государыни, поэтъ говоритъ о ней:

И подъ царственной одеждой
Сердце чистое зажглось...
Жизнь созрѣла, и богато
Принесла дары свои,—
Все, что благо, все, что свято,
Ей знакомо, ей сродни.
Ей къ лицу и багряница,
Но еще она милѣй,
Если прячется Царица
Въ женской прелести своей.

Тамъ же кн. Вяземскій написалъ оригинально-веселое привѣтствіе на день ангела Государя и сцены для театральнаго представленія, — но онѣ пока не напечатаны. — Жизнь царскаго семейства въ Крыму вызвала и другіе поэтическіе отголоски. Въ газетахъ встрѣчаемъ пьесы «22 августа», «26 августа», «24 сентября»; нѣкоторыя изъ нихъ были тогда же поднесены Государынѣ кн. Вяземскимъ. Вотъ отрывокъ изъ пьесы «22 августа», о прогулкѣ Государя въ Аутки, татарскую

деревушку, сосѣднюю съ Ливадіей; разсказъ идетъ отъ лица татарина:

На дняхъ Онъ ѣздилъ къ намъ, въ Аутки,
И съ Нимъ Хозяюшка Его,
И Дѣти, цвѣтики-малютки.
А больше... больше никого!
Въ душѣ вотъ-такъ и закипѣло.
Остолбенѣлые стоимъ,
А сердце каждое летѣло,
Какъ стража вѣрпал, за Нимъ!
Глядимъ: сошли Они съ коляски;
По камнямъ, рытвинамъ идутъ,
И взоромъ, полнымъ тихой ласки,
Глядятъ на каждый нашъ пріютъ...
Аллахъ, Аллахъ! когда-бъ мы знали,
Тогда-бъ по этому пути
Мы камни прочь, цвѣты-бъ постлали,
Чтобъ мягче было Имъ идти...
Ушли... Но мы за ними слѣдомъ
Смотрѣли до глубокой тьмы.
И цѣлый вечеръ старымъ дѣдамъ
Про Нихъ разсказывали мы...
Чтожъ, еслибъ Богъ привелъ предъ Ними
Сказать хоть слово въ эти дни...
Я слышалъ, какъ съ дѣтьми своими,
Со всякимъ ласковы Они,
Добры со всякимъ иновѣрцемъ,—
Но я-бъ молчалъ... а почему?
Да вотъ... никакъ не сладишь съ сердцемъ:
Все плакать хочется ему! *).

Лѣтомъ 1867 г. добровольно возвратился въ Россію эмигрантъ Кельсіевъ, въ надеждѣ на прощеніе Государя. Въ сентябрѣ ему было сказано: «Вы свободны, все ваше прошлое забыто, можете идти куда хотите и дѣлать все, что вамъ угодно: Государь васъ простилъ.

*) „Сѣверн. Почта“ 1867, № 206, сент. 22; № 207, сент. 23.

Вамъ нечего толковать, какое великое значеніе имѣетъ Его милость и какое невѣроятное событіе представляетъ ваше помилованіе».

Въ ноябрѣ 1867 г. скончался митрополитъ Филаретъ, и Государь, въ знакъ вниманія своего къ его архипастырскимъ и государственнымъ заслугамъ, послалъ втораго сына своего, великаго князя Владиміра Александровича, присутствовать при отпѣваніи святителя.

Въ январѣ 1868 г. Государь и Государыня были озабочены голодомъ, грозившимъ нѣкоторымъ мѣстностямъ Россіи; и вотъ они, отецъ и мать, обращаются къ сыну и Наслѣднику, и возлагаютъ на него обязанность печись о поданіи помощи нуждающимся. Рескриптъ Государя и Государыни вызвалъ слѣдующія слова Погодина: «Прекрасная мысль — поручить Наслѣднику попеченіе объ утоленіи голода! Знакомиться съ нуждами народа, изыскивать средства помогать ему—какое царственное занятіе! Помоги ему Богъ начать съ успѣхомъ мудреную науку, пройдти со славою святую школу»! 31-го января, у Аничкова дворца, гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе Наслѣдникъ, была поставлена кружка для сбора денегъ въ пользу голодающихъ. Въ первый день оказалось въ кружкѣ 13 р. 40 коп., потомъ вклады стали возрастать и дошли до 600 руб. въ день; но 25-го февраля, наканунѣ дня рожденія Наслѣдника, въ кружкѣ оказалось 1,974 руб., въ самый же день рожденія Его Высочества, 26-го февраля—4,973 руб. Это несомнѣнно были народныя приношенія, евангельскія лепты. Погодинъ по этому поводу писалъ: «Умилительное, многозначительное, историческое извѣстіе! Обрадоваться ему отъ души должны всѣ русскіе люди, и больше всѣхъ Государь. Государыня: вотъ какъ любитъ Ихъ народъ, вотъ какъ чувствуетъ Ихъ добро! Здѣсь говоритъ живое, искреннее, сердечное народное чувство. И сколько нѣжности,

тонкости въ этомъ чувствѣ, въ которомъ однакожъ отказываютъ русскому народу его враги!.. Святыя минуты. Укажите мнѣ примѣръ въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ моглобъ случиться такое явленіе!.. Какое удовольствіе, сладкое, ни съ чѣмъ несравненное, должень былъ опутить папъ возлюбленный Наслѣдникъ, получая такой драгоцѣнный подарокъ отъ русскаго народа въ день своего рожденія! Онъ еще ничего не сдѣлалъ, мы только почуяли—ибо сердце сердцу вѣсть подаетъ — что Онъ хочетъ, что Онъ будетъ дѣлать; мы только услышали—ибо слухомъ земля полнится—что Онъ честный, благородный человѣкъ, который любитъ народъ и готовъ на всякую службу отечеству. Народъ только услышалъ о нѣкоторыхъ движеніяхъ, словахъ, распоряженіяхъ Его въ комитетѣ о пособіи страдающимъ отъ неурожая, и вотъ блистательная награда, которая при первомъ вступленіи на настоящую службу, должна послужить Ему удостовѣреніемъ, что, если, по русской пословицѣ, за Богомъ молитва, а за царемъ служба, то и за народомъ добро не пропадаетъ. Тѣсный союзъ и взаимная, полная, неограниченная довѣренность у народа и у государя — вотъ наша сила, вотъ наше счастіе, народное и государственное!» («Русскій», 1868 г.).

Рожденіе первенца у Наслѣдника привѣтствовалъ стихами О. Глинка:

Громкой вѣсти провозвѣстникъ
Звонъ въ соборахъ раздался:
У Наслѣдника Наслѣдникъ
Въ царствѣ Русскомъ родился.

Погодинъ прибавилъ: «Лицо Дагмары-Маріи озаряется новыми лучами, дѣлается народу еще любезнѣе, еще дороже. Потомство Освободителя увѣковѣчивается...

Какъ обрадовалась царственному младенцу Москва, какъ обрадуется ему вся Россія—распространяться не нужно. Какъ будто исполнилось общее желаніе, какъ будто оправдалось общее ожиданіе. Въ преданности царскому дому, какъ и въ любви къ отечеству, при случаяхъ и событіяхъ важныхъ въ исторіи, у насъ нѣтъ сословій: всѣ—одно!» *).

Въ день царскаго ангела читаемъ привѣтъ «Дорогому Имянинннику».

Привѣтъ тотъ простъ, въ немъ тѣни нѣтъ искусства,
Но онъ святой любовію горитъ,
Онъ полонъ жизнію, въ немъ искреннее чувство,
Народъ съ Тобой въ немъ сердцемъ говоритъ.
Хотя порой и посѣтитъ несчастье,
Хотя подъ часъ ему и тяжело,
Не ропщетъ онъ, въ Твое онъ вѣритъ счастье
И смотритъ онъ на будущность свѣтло.
Онъ видитъ: свѣтлая, широкая дорога
Лежитъ предъ нимъ; идетъ онъ за Тобой,
И вѣритъ онъ, что Ты, избранникъ Бога,
Ведешь его прямой и вѣрною стезей.

Путешествіе Цесаревича и Цесаревны въ 1869 г. по Россіи вызвало поэтическіе отголоски въ разныхъ мѣстахъ; вотъ отрывокъ изъ одного:

. . На встрѣчу бы къ Нимъ полетѣть:
Вотъ ѣдутъ Обое, по волѣ державной,
Обое—и матушку-Русь посмотрѣть,
И вмѣстѣ Себя показать православной.
Нѣтъ свиты блестящей и пышной у Нихъ,
Но есть задушевность, есть ласка съ народомъ.
Являлись Они и въ палатахъ большихъ,
И сельскую церковь почтили приходомъ.

*) „Русскій Архивъ“ 1867, стр. 353.

Народъ нашъ любуется юной четой
И шепчетъ: какая чудесная пара!
Пригожъ Цесаревичъ, нашъ князь молодой,
Пригожѣй, милѣй—Его радость—Дагмара!..
Ахъ, Свѣтъ-Цесаревна! Съ такой красотой,
Съ такой благодатію сердца намъ ясной,
Какъ много добра принесешь Ты собой,
Голубка Ты бѣлая, цвѣтикъ прекрасный!..
Путь добрый, Любимые, къ лѣткамъ двоимъ;
Пусть Васъ небеса охраняютъ благія;
Въ семьѣ вспоминайте Вы сердцемъ своимъ,
Какъ любитъ другая семья Васъ—Россія *).

Въ сентябрѣ 1869 г. совершилось 50-ти-лѣтіе преобразованія Кіевской духовной академіи. Въ высокомъ вниманіи къ заслугамъ ея на пользу церкви и просвѣщенія, Государь осчастливилъ академію Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ изъявилъ ей свое совершенное благоволеніе и повелѣлъ назначить въ ней десять стипендій, по 200 р. каждая, изъ духовно-учебнаго капитала. Нѣсколько дней сряду праздновалъ Кіевъ царскія милости къ своей академіи; среди необычайнаго восторга много раздавалось тогда благодарственныхъ словъ Покровителю и Другу образованія народнаго. Совершенное не задолго предъ тѣмъ преобразованіе состава всѣхъ духовныхъ академій, уравненіе академическихъ профессорскихъ окладовъ съ университетскими, царскія милости къ представителямъ науки въ академіи слѣдовали почти непрерывно.

И среди юбилейныхъ привѣтствій въ честь академіи, читаемъ:

Привѣтъ Ему!.. назвать не нужно:
Имень всѣхъ выше—дѣло въ Немъ.

*) „Воскресн. Чтеніе“ 1869, № 25, стр. 601—602.

И мы Его всѣмъ міромъ дружно
Освободителемъ зовемъ!
Привѣтъ Ему, науки другу:
Онъ царски къ нѣй благоволитъ,
И нынѣ нашему Онъ кругу
Судьбу прекрасную даритъ!
Царю! Царю! живи во вѣки!
Живи: Ты жить даешь другимъ *).

Наканунѣ 19 февраля 1868 г., по давнему обычаю, у кн. Одоевскаго былъ праздникъ въ честь Освободителя, даровавшаго намъ великіе законы 19-го февраля 1861 г. и 20-го ноября 1864 г. Къ заздравнымъ тостамъ Погодинъ присоединяетъ выраженіе Государю-Освободителю и Законодателю благодарности искренней, горячей, неизмѣнной и заключаетъ такъ: «Карамзинъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ: «Русскій корабль ударится то объ Сциллу, то объ Харибду, а все плыветъ». Дай Богъ ему, миновавъ всѣ Сциллы а Харибды, доплыть скорѣе съ этимъ Кормчимъ до открытаго моря, и потомъ пойти впередъ на всѣхъ парусахъ или на всѣхъ парахъ, какъ ему завѣщала исторія и какъ въ эту прекрасную минуту, мы, русскіе люди, здѣсь собравшіеся, отъ души ему желаемъ».

Отмѣна, въ 1870 г. статей Парижскаго трактата, ограничивающихъ морскія силы Россіи, вызвала стихотворенія Тютчева и Розенгейма. Тютчевъ, уже 70-тилѣтній старикъ, нетерпѣливо и давно ожидалъ этого освобожденія Россіи отъ оковъ, наложенныхъ на нее Парижскимъ трактатомъ.

Пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ минуло,
Прошелъ событій цѣлый рядъ—
И вѣра насъ не обманула,

*) „Труды Кіевск. Дух. Акад.“ 1869, № 13.

И севастопольскаго гула
Послѣдній слышимъ мы раскатъ,—
Ударъ послѣдній и громовый.
Онъ грянулъ вдругъ, животворя,
Послѣднее въ борьбѣ суровой
Теперь лишь высказано слово:
То слово Русскаго Царя.
И все, что было такъ недавно
Враждой воздвигнуто слѣпой,
Такъ нагло, такъ самоуправно,—
Предъ честностью Его державной
Все рушилось само собой!

Поэтъ вѣрилъ, что этотъ день, кромѣ радости всѣмъ уцѣлѣвшимъ современникамъ Крымской войны,—

И Петропавловскаго свода
Освѣтитъ гробовую сѣнь!

Въ 1870 году, на 50-ти-лѣт. юбилей московскаго общества сельскаго хозяйства, Государь пожаловалъ усердному дѣятелю его и ревнителю народнаго образованія С. Маслову—орденъ Бѣлаго орла.

Въ сентябрѣ 1871 г. Государю угодно было разрѣшить празднованіе юбилея бывшаго перваго ректора Кіевскаго университета, извѣстнаго писателя М. А. Максимовича и даровать ему единовременное пособіе въ 3,000 рублей и землю.

Въ ноябрѣ того же года совершилось 50-ти-лѣтіе гражданской и ученой службы Погодина; Государю угодно было, по вниманію къ плодотворной на ученомъ поприщѣ дѣятельности Погодина, который своими многочисленными учено-литературными трудами пріобрѣлъ почетное имя, Всемилостивѣйше пожаловать его изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ тайные совѣтники, съ объявленіемъ ему сего производства 8 ноября (въ день его ангела), въ день празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея уче-

ной его дѣятельности. Погодинъ въ томъ же году посвятилъ Государю свою «Древнюю Русскую Исторію» и въ посвященіи, между прочимъ, говорилъ: «Ведя свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства, спѣшу принести Освободителю дань сердечной, глубокой благодарности... Да поможетъ Богъ Вашему Императорскому Величеству вести насъ неукоснительно, по начатому славному пути освобожденія, къ этой завѣтной цѣли—народнаго развитія, образованія, благосостоянія—человѣческаго совершенствованія, въ духѣ святого ученія Христова».

Въ 1873 г. Тютчевъ вспоминаетъ день рожденія Государя, день 1818 года, котораго онъ былъ 15-тилѣтнимъ свидѣтелемъ и черезъ 55 лѣтъ передаетъ свои воспоминанія въ радостномъ стихѣ. Больной, разбитый параличемъ, поэтъ еще нашелъ въ себѣ силу выразить теплоту чувства, но не успѣлъ отдѣлать своей пьесы написанной за три мѣсяца до кончины:

На ранней дней моихъ зарѣ...
Ты въ этотъ день дарованъ былъ землѣ;
Съ тѣхъ поръ воспоминанье это
Въ душѣ моей всегда согрѣто;
Въ теченьи столькихъ лѣтъ оно не измѣняло,
Какъ вѣрный спутникъ мой, повсюду провожало,
И нынѣ, въ ранній утра часъ,
Оно еще, какъ столько разъ,
Все также дорого и мило;
И днесь, у самыхъ дней моихъ заката,
Мой одръ печальный посѣтило,
Мою всю душу осѣнило...
. . . . . .

Мнѣ всегда мнилось — продолжаетъ страдающій поэтъ—что этотъ часъ

Мнѣ будетъ на всю жизнь благимъ знаменованьемъ,
И не ошибся я: вся жизнь мол прошла
Подъ этимъ крѣпкимъ, благостнымъ вліяньемъ.

Началась послѣдняя турецкая война. И въ числѣ первыхъ рѣчей за освобожденіе единокровныхъ и единовѣрныхъ страдальцевъ явилось поэтическое слово. Вѣра славянъ въ Россію, вѣра русскихъ въ свой долгъ по отношенію къ нимъ высказаны были Майковымъ въ его пьесѣ «Опять горитъ Востокъ». Поэтъ утверждаетъ, что заступничество за славянъ и освобожденіе ихъ крѣпло и росло и въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала ли година?..
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?

И чаяніе поэта и всѣхъ русскихъ оправдалось. Мы ужь не станемъ приводить множества другихъ голосовъ, звавшихъ, молившихъ всю Россію объ освобожденіи братьевъ изъ-подъ турецкаго ига. Долго собиралась Россія, вѣря Царю:

Царь не хотѣлъ борьбы кровавой,—
Не ищетъ славы Онъ въ крови.
И призывалъ Онъ міръ лукавый
На подвигъ мира и любви.
Жалѣлъ Онъ рать свою родную
И медлилъ долго, сколько могъ,
Храня на сердцѣ мысль святую:
Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ Богъ!

Отголоски русской поэзіи на военныя событія такъ многочисленны и такъ недавни, что нечего приводить ихъ теперь.

— —

О послѣднихъ покушеніяхъ на жизнь Государя тяжело и вспоминать. Ни серьезныя рѣчи нашей печати,

ни скорбные поэтическіе звуки не могли ослабить тяжкаго, возмутительнаго впечатлѣнія, и невольно вспоминаются стихи Мея:

Сгинь ты, туча, невзгодье ненастное!
Взглянь, Божіе солнышко красное!

Такимъ образомъ, отъ самаго рожденія Государя до настоящихъ дней русскіе писатели постоянно откликались на всякое важное событіе въ государственной и семейной Его жизни; постоянно понимали и цѣнили Его благодушіе—источникъ народнаго развитія; постоянно проводили мысль, что только дѣятельною любовью къ народу заслуживается и увѣковѣчивается народная слава.

Лишь Тотъ великъ, чья власть пребудетъ
Благословляема во вѣкъ,
Чей подвигъ время не погубитъ,
О Комъ въ сердцахъ начертанъ будетъ
Глаголъ святой: се человѣкъ!

Нами собрана и приведена, можетъ быть, только сотая доля того, что было напечатано; но и приведенное ясно и неопровержимо говоритъ о неразрушимой связи Царя съ каждымъ русскимъ сердцемъ, о великой силѣ Царя съ народомъ, «въ которомъ (какъ свидѣтельствуетъ самъ Царь) любовь къ отечеству и самоотверженіе составляетъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій (Высочайшій манифестъ 1 янв. 1874 г.).

Народъ въ Царѣ, а Царь въ народѣ—
Вотъ наша сила, Богъ за насъ!

Съ этими мыслями и чувствами, мы привѣтствуемъ отъ всей души 19 февраля 1880 г., какъ день, напоминающій намъ великое и доброе былое. Подъ благимъ осѣненіемъ его мы вступаемъ въ новый періодъ, раздѣляя успокоительную вѣру зоркаго историка, что «туманы, навѣянные на поверхность русскаго общества, не поколеблятъ ни здраваго смысла русскаго народа, ни его безграничной преданности къ своему Верховному Вождю и соединенныхъ съ нею упованій *). И въ этой вѣрѣ насъ утверждаютъ слова Высочайшаго манифеста 1 января 1874 года: «Мы наилучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія».

*) Иловайскій, Русск. Архивъ 1874 г., I, 246.

Цѣна 40 коп.

2007044363